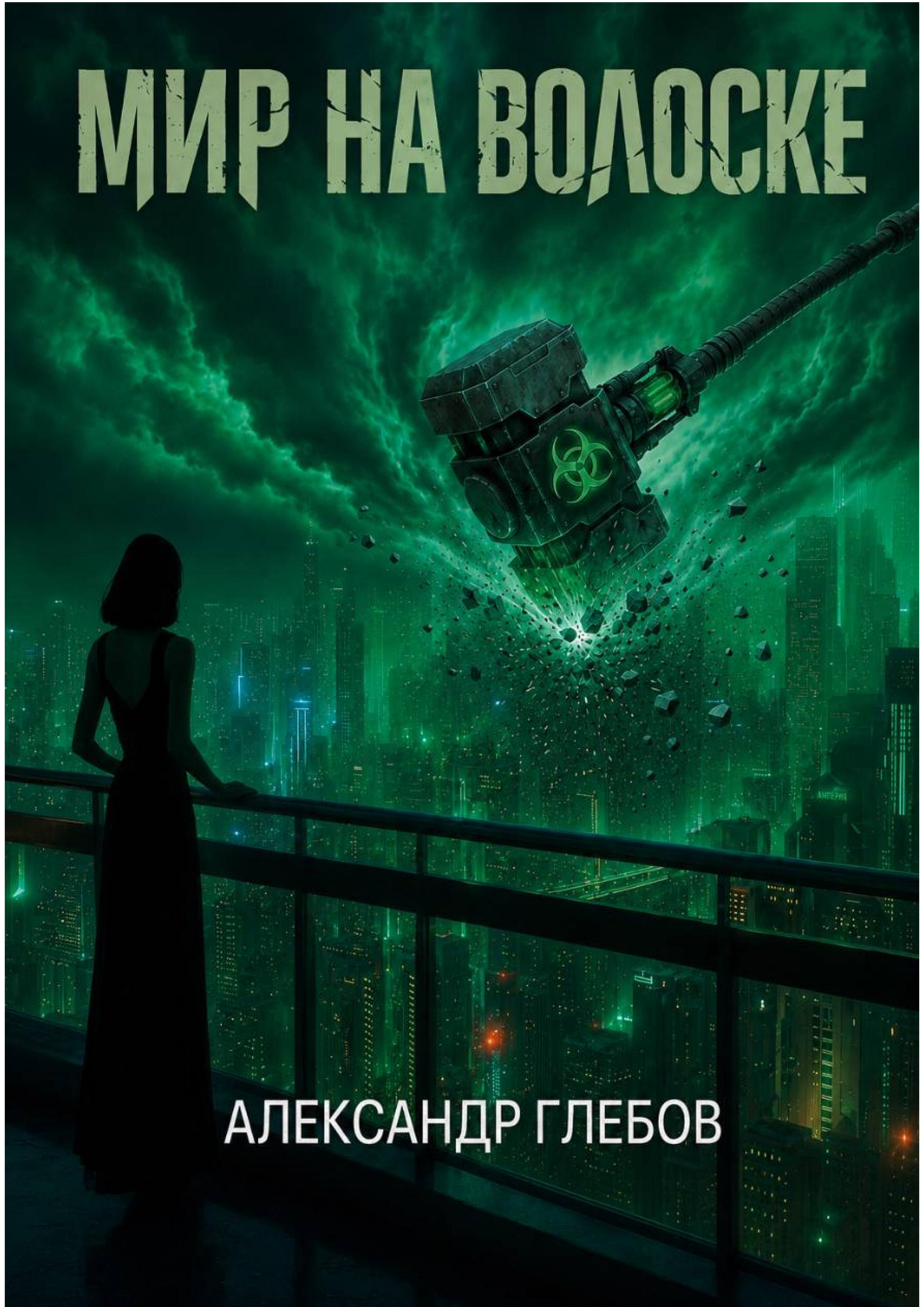

МИР НА ВОЛОСКЕ

A woman in a black dress stands on a balcony, looking out at a city at night. A large, dark, mechanical object with a glowing green biohazard symbol is falling from the sky, surrounded by green lightning and falling debris.

АЛЕКСАНДР ГЛЕБОВ

Александр Глебов

Мир на волоске

«Автор»

2026

Глебов А. В.

Мир на волоске / А. В. Глебов — «Автор», 2026

Новая пандемия охватывает мир. Спасение появляется почти сразу — вакцина ViraShield останавливает вирус и становится главным медицинским триумфом эпохи. Но российский вирусолог Анна Семенова обнаруживает в спасении то, чего там быть не должно. Если она права, миллиарды уже получили не лекарство, а отсроченный смертный приговор. Вместе с ней нейроинженер Кирилл Волков пытается доказать невозможное. Проблема в том, что за происходящим стоят люди, для которых гибель большей части человечества — не катастрофа, а необходимая цена будущего. Пока мир празднует победу над пандемией, время уже пошло. «Мир на волоске» — технотриллер о большой политике, технологиях ближайшего будущего, глобальном заговоре и цене человеческого спасения.

© Глебов А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Меч, занесенный над планетой	5
Глава 2. Узы доверия	11
Глава 3. Полеты во сне и наяву	16
Глава 4. Списки приговоренных	22
Глава 5. Трагедия в пустоте	25
Глава 6. Служба или долг	28
Глава 7. Пришел ее черед	33
Глава 8. Тени в зените	38
Глава 9. Преследуемая	42
Глава 10. Чудовищное открытие	46
Глава 11. «Если вы читаете это письмо...»	50
Глава 12. Большая игра	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Александр Глебов

Мир на волоске

Глава 1. Меч, занесенный над планетой

Набережная сияла огнями. Легкий ветерок задувал с реки, разгоняя городские запахи. Бархатное одеяло ночи, прошитое золотом уличных фонарей, укрывало столицу после выходного дня. На колышущейся поверхности реки рябило искаженное и тусклое отражение жизни каменных джунглей – можно было представить, что из-под воды проглядывает другой, зазеркальный город из нижнего мира...

Шум бесконечных увеселений туристического сезона понемногу утихал. Отдыхающие, рассеявшиеся по пабам и ресторанам, начинали задумываться о дороге в отель. По тротуару сновали группы арабов и темнокожая молодежь в броских толстовках. Маргиналы, разложив вдоль засаленных стен нехитрую выпивку и закуску, коротали очередную ночь за оживленной, шумной беседой...

Из малолюдного полутемного переулка под свет фонарей выбрался, точно выпутавшись из цепких лап, странный мужчина. Его некогда дорогой костюм был испачкан во множестве мест, надорванный карман неестественно топорщился. Брюки на колене были разодраны, обнажая грязную рану с багровыми полосами запекшейся крови.

Лицо «украшали» грязный кровоподтек у подбородка и фингал под левым глазом. Образ дополняла гримаса непроходящего панического безумия. Точно ожидая смерти в любое мгновение, он поминутно обзревал округу полными ужаса глазами. Прохожие испуганно отшатывались, расступаясь; кто-то спрашивал с акцентом: «С тобой все в порядке?» Казалось, человек ничего не замечал, пытаясь найти взглядом неведомый путь к спасению.

– Они убьют всех. Умрут миллиарды! Этого не должно случиться! Слышите?! – голос тонул в вое клаксонов и музыке ночных клубов.

Туристы снимали на видео городского сумасшедшего, расступаясь в недоумении. Подвыпивший юноша попытался схватить его за рукав, но странный мужчина решительно отпрянул, повторяя про смерть. Поймав его взгляд, от которого у любого пойдут мурашки, юноша быстро отвернулся. Толпа отпрянула, давая коридор чумазому безумцу. Неподалеку стоял блестящий полицейский кроссовер с надписями и мигалками. Двое полицейских апатично наблюдали за городской суетой, изображая работу. Бесноватый незнакомец заинтересовал их, и офицеры в жилетах мигом направились к нему.

– Извините, мистер, минуту. Констебль Джонсон, – обратился старший патруля, привлекая к себе бешеный взгляд округлившихся глаз. Мужчина замер; его зрачки беспорядочно заметались между полисменами, их авто и залитыми светом улицами.

– Не мешайте! Прочь с дороги! – дрожащим голосом заверещал он. – Они убьют миллиарды! Поверьте!

Офицеры переглянулись – за сегодня это был первый выпивоха, словивший делирий(1), – и стали действовать по стандартному алгоритму.

– Сэр, предъявите документы! Мы поможем вам добраться! – вежливо, но требовательно начал старший патруля.

Мужчину словно ударило током. Он резко выпрямился, всматриваясь в отблески нагрудного значка, униформу, кобуру... Выставив ладонь и, попятившись, безумец повторял как заклятие: «Не прикасайтесь! Они убьют всех!» Полицейские подались вперед, готовясь к задержанию...

Едва патрульные схватили нового подопечного за запястья, изнемогающий бродяга рванулся прочь с медвежьей силой. Вывернувшись, он перемахнул через ограждение многополосного шоссе, отделявшего улицу от Темзы, совершенно не обращая внимания на скоростной поток транспорта.

Красный даблдекер(2) с визгом затормозил в сантиметре от ненормального, и водитель разразился неслышимыми через стекло проклятиями. Игнорируя смертельную опасность, человек прокатился на капоте ударившего его седана и спрыгнул, едва тот затормозил. Не обращая внимания на повреждения, он рванул дальше, на ходу преодолев разделительный барьер между сторонами движения. Неуклюже и хаотично лавируя между машинами, которые с трудом уворачивались под крики и ругань, он достиг цели. Ничто не в силах было остановить разжавшуюся пружину его последнего усилия.

Добравшись до тротуара на противоположной стороне дороги, у Темзы, безумец крикнул ближайшей парочке:

«Предупредите всех! Они приговорили нас к мучительной смерти!» – и схватился за перила. Грузно перевалившись через них, он рухнул в темную глубину реки. Городской гул полностью заглушил звук падения.

Двое шокированных прохожих подошли к реке, рассматривая темную толщу воды. Лишь расходящиеся круговые волны да пара плавающих темных ботинок говорили о случившемся считанные секунды назад. Подбежавшим полицейским осталось лишь констатировать очевидное. Странный бродяга, не вынеся алкогольной горячки, бросился в воду, оставив после себя скупую запись в журнале происшествий. Единица в ведомостях пропавших без вести, не более того.

* * *

В Москве тем временем осень началась аккурат по календарю: завыл ветер, подгоняя пылевые вихри; нескончаемой цепью побежали свинцово-серые облака. Густой мелкий дождь то начинался, то прекращался, и капли размазывались о бронированное стекло «Майбаха» последней модели.

– Не торопись, успеем! – приказал миллиардер Максим Харонский водителю, намеревавшемуся проскочить на желтом сигнале светофора. Его могли и подождать: банкиры, инвесторы, промышленники одинаково зависели от его услуг с тех пор, как он поднялся на криптовалюту и теневой торговле, открыв многим путь к богатству. Несмотря на свою спорную биографию и сомнительную роль в геополитических конфликтах, Харонский создал себе репутацию в России и странах бывшего СССР, в Европе и на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и даже в Африке. Поговаривали, что он знал того самого мифического Сатоши Накамото – отца первой криптовалюты.

– Господин Харонский, сообщение от Комитета! – уведомил через внутренний наушник ИИ-помощник. – Загружаю через Нейролинк.

Комитет... Человечество погрязло в суете и подошло к системному кризису. Выбор уже стоял не между жизнью и смертью – нет, большинство было обречено. Пять-шесть миллиардов лишних ртов съедало невосполнимую пищу. Пять-шесть миллиардов пар ног топтало землю сверх допустимого. Пять-шесть миллиардов лишних душ коптило небо почему зря... Должно быть, небо плакало в ожидании грядущего, от безапелляционной жестокости которого ужаснулись бы самые страшные палачи и злодеи прошлого. Для человека же в «Майбахе» это было просто большой цифрой – как сумма крупной сделки, не более того.

В памяти всплыла самая яркая встреча Комитета. Для прохода ему впервые за несколько лет пришлось пройти досмотр, как простому смертному! Встреча состоялась в замке. Детище позднего Средневековья на склоне Швейцарских Альп – сочетание военной целесообразности

и архитектурного изящества. За витражами XV века ревел ветер, гоняя мириады колючих снежинок. А внутри, в тишине и уюте, в тепле от большого камина, решалась судьба человечества. Дрова таяли в языках пламени, даруя комфорт собравшимся.

– Каковы выводы консенсус-прогноза? – осведомился Люсьен де Морвей, поправляя перстень с красным алмазом. Он был наследником многовековой династии потомков венецианских дождей(3) и крупным акционером Консорциума. На голографической проекции земного шара рубиновыми кровоточащими язвами вспыхнули мегаполисы Юга – Дакка, Лагос, Мумбаи.

– На долгой дистанции Земля выдерживает максимум пять миллиардов. Уже через десять лет мы достигнем предела биосферы, за которым только всеобщее вымирание, – голос Элеоноры фон дер Мейер был сухим и лишенным эмоций, словно ледяная крупа, стучавшая в окно. – С животными природа сама решает вопрос – волнами вымирания. Человечество должно пройти этот же путь.

– Как именно? Ни один конфликт, война или эпидемия не сократит население наполовину, – возразил Курт Андерсон, потомок династии фабрикантов и промышленников. – Невозможно просто взять и убрать пять миллиардов человек!

– Мы завершили подготовку каскада событий. – Элеонора посмотрела в глаза этому джентльмену столь выразительно, что тот виновато убрал локти со стола. – Каскада, достойного эпохи термоядерного синтеза и искусственного интеллекта. Любой рукотворный кризис старого типа не сделает и сотой доли задуманного. Гордитесь, герр Андерсон, что будете хищником, а не добычей! – Элеонора еще раз указала на самые населенные и загрязненные зоны планеты, щелкнула пальцами, и рубины-города погасли на голограмме один за другим.

– Пик нефти наконец будет пройден, – продолжала Элеонора под одобрительными взглядами собравшихся. – Без наших действий к 2150 году в Париже будет жарче, чем в Багдаде 1900 года! Планета умрет, и мы с ней. Мировые правительства погрязли в тактике, вынуждая нас браться за стратегию. Они смотрят на год вперед, а мы – на столетие! А в наших руках – ключ к спасению тех немногих, кто будет ползать у наших ног, моля спасти себя и своих детей. Они станут нашим щитом. Ненавидя и проклиная, они будут готовы на все ради собственной шкуры.

– Итак, наш долг – спасти цивилизацию, открыть ей окно в будущее, – загадочно усмехнувшись, добавил Андерсон. – Проект «Феникс» – смелый шаг для нас и огромный прыжок для человечества. Но не последний.

Элеонора указала на голубые точки голограммы, покрывавшие Европу и некоторые регионы Азии и Северной Америки.

– Через два года процесс станет необратимым. Можно назвать эту стадию санацией. Эти счастливчики получают билет в Новый порядок с жестким углеродным бюджетом, всесторонним надзором и прочими необходимыми условиями. Ради будущего...

При этих словах в камине лопнула головешка, подбросив облачко угасающих искр. Взбодренный этой встряской огонь с новой силой объял остатки дров. Отблески пламени заплясали на лицах вершителей судеб, обостряя их черты: холодную надменность де Морвея, ледяную решимость фон дер Мейер, самоуверенность Андерсона... От порыва ветра вздрогнули ставни. Беседа перетекла в ужин. С той самой секунды над миллиардами занятых повседневными заботами душ словно бы невидимая рука занесла для удара меч исполинских размеров...

...Харонский вздрогнул, когда машина сорвалась с места и завернула в нужный переулок. Свобода есть осознанная необходимость, даже если она чудовищна. Ресурсы тают наперегонки с остатками полярных льдов. Идея «золотого миллиарда» трансформировалась в то, что они называли проектом «Феникс». Возрождение из пепла через огонь и отбраковку лишних.

За окном и не думало светлеть, когда Харонский пробежался по колонкам новостей. Эпидемия вируса «Хтонос», начавшаяся четыре месяца назад с трущоб Сан- Паулу и Джакарты, пока не отступала. Первые вспышки казались обычной «респираторкой». Но уже спустя неделю закашляли и задохнулись миллионы людей. ВОЗ объявила о пандемии неизвестного патогена. А еще через полтора месяца у человечества появилась надежда...

Консорциум «Глобал Биофарм» заявил о прорыве, достигнутом объединением машин и людей, – вакцине ViraShield. Она быстро прошла испытания на добровольцах, вызвав восхищение результативностью. Возбудителем новой пандемии оказался иной вариант химерного РНК-вируса. Сходство с коронавирусами и «уникальные, высокопластичные участки генома» – вот все, что было известно миру из скупых отчетов «Глобал Биофарм». Корпорации-конкуренты безнадежно отстали и глотали пыль. Среди них – российский «Вектор-Нейро» с командой выдающихся вирусологов во главе с Анной Семеновой.

* * *

В этот же пятничный вечер в клубе «Элизиум» недалеко от Рублевки было привычно многолюдно. Сине-золотые блики витражей «Тиффани» опоясывали мраморные статуи нимф в причудливых позах, придавая им глубину и артистизм. За слепяще-белым роялем с холодной виртуозностью перебирал клавиши легендарный джазмен.

Официант подошел к столику, за которым сидели двое господ и пара дам, чтобы сманить коллегу, не устроившего почтенных посетителей. Едва приблизившись, он опытным, чувствительным носом различил среди оттенков дорогого парфюма аромат шампанского Salon Le Mesnil.

В массивном кресле из анилиновой кожи(4) сидел вразвалочку человек чуть старше пятидесяти – несомненно, душа компании. Тонкие, почти нитевидные губы размеренно шевелились, но даже опытный лип-ридер не смог бы прочесть слов. Густые темные брови оставались неподвижными, пока темно-серые глубоко посаженные глаза в обрамлении тяжелых мешковатых век изучали собеседника. Узкий у переносицы хищный нос с горбинкой и высокие скулы придавали жесткость смуглому лицу с тонкой, словно стальные нити, прерывистой паутинкой морщин. Мужчина был среднего телосложения, держал себя в форме, не излеществовал.

Его собеседник примерно тех же лет, в расстегнутом твидовом пиджаке с пузом навыват, был не то, чтобы противоположен, скорее, перпендикулярен первому. В нем было что-то от медведя и от массивного дуба одновременно. Тяжелый лоб, будто вырубленное в сплошном дереве лицо, прямой подбородок. Широкие плечи, руки в обхвате как талия блондинки, рост под два метра.

Девушки были полной противоположностью обоим. Тонкие, яркие, со светло-золотистой кожей. Одна – блондинка с пышными воздушными прядями, вторая – с каштановыми волосами, водопадом опускавшимися значительно ниже плеч. Обе они были моложе подаваемого вина.

Дождавшись, пока официант отработает своё и отойдет, первый из мужчин – Максим Харонский – поднял бокал короткими хваткими пальцами. Его примеру последовали остальные.

– Михаил, твое здоровье! – Харонский указал на виртуоза за белым роялем. – Этот великий человек играет в нашу с тобой честь, в твою честь. – Гости чокнулись и предались распитию эксклюзивного напитка.

– Хочешь себе в коллекцию пару бутылочек такого же вина? – добавил Максим, покончив со своим. Он знал, куда ударить: собеседник коллекционировал вина, но как силовик, недавно перешедший на гражданскую службу, не мог позволить себе экземпляры ценой в автомобиль премиум-класса.

– Пища для размышлений! – поймала момент эффектная молоденькая блондинка и изящно протянула Михаилу горсточку белужьей икры на перламутровой ложечке. Генерал в отставке сконфузился и отстранился – точно так же, как полвека назад от горького лекарства.

– Предложение просто, кхм, великолепное! – начал многозначительно он. – Только учти, что мне, военному пенсионеру, пора думать о внуках или дрыхнуть на мягком диванчике. Ну, или клевать носом на рыбалке.

Разговор свернул на быт, детей, увлечения и прочее. Генерал затребовал водки, что было немедленно исполнено. Но ни увещевания, ни обхаживание, ни датчик опьянения в виде побавровевшего носа не помогали: генерал продолжал отнекиваться. Время шло, Харонскому надоело.

– Дамы, у нас серьезный разговор. Потанцуйте, пожалуйста, немного. – Харонский будто бы улыбнулся, но столь пугающе, что девушки ретировались, даже не пикнув. – Итак, готов услышать?

– Слушаю!

– Миша, мы давно друг друга знаем – с тех пор, как ты был лейтенантом-опером по особо важным делам, а я занимался внешней торговлей на просторах СНГ. Да, наши пути сходились и расходились. Однажды ты чуть меня не посадил. Потом уже я мог посадить тебя – за дружбу с диаспорами и черным рынком, – но не стал: просто принес тебе всё досье в подарок.

Генерала будто бы холодной водой окатили. Он встрепенулся; оловенность рассеялась, взгляд стал сосредоточенным.

– Так это из-за тебя, сволочь, меня на генерал-полковника не утвердили?! – Зрачки в округлившихся глазах генерала гневно расширились, когда он навалился на стол.

– Нервы сокращают жизнь, – спокойно осадил его Харонский, пробуя очередной кусочек угря в соусе из гранатовой патоки. – Во-первых, если бы подобное делал я, то ты бы застрелился из наградного пистолета перед задержанием или коротал бы дни в красной зоне! Название СПЖТ-2 тебе о чем-нибудь говорит? А два миллиона в инвалюте? А двадцать семь якобы случайно погибших?

Даже сквозь пелену алкогольного дурмана генерал понял всё. В случае огласки никакая отставка не спасет от развилки «застрелиться или сгнить в тюрьме». Для тех, кто знает, что искать, следов достаточно; даже личные знакомства с министрами не остановят маховик наказания.

– Хорошо, Максим Борисович, что тебе от меня нужно? – обиженно спросил ссутулившийся великан.

– Вот теперь разговор вошел в правильное русло! – Харонский не повышал градус, попивая шампанское. – Ты у нас зам в министерстве, но по факту твоего белобрысого начальника скоро снимут. Все расследования тебя миновали, чем лишь укрепили твой авторитет. Только не прибедайся, пожалуйста: я прекрасно знаю, что, по слухам, за тобой стоит очень серьезная фигура. Более того, такой ореол создал тебе я. Считай это подарком. Благодаря выдуманной ауре высшей протекции ты можешь влиять на людей. У меня будут просьбы, в том числе и переданные через доверенных лиц.

– Какие просьбы? – попытался сопротивляться бывший генерал.

– Конструктивные, важные и обязательные к исполнению! – отрезал Харонский.

Маэстро закончил играть очередную джазовую мелодию. В тишине, нарушаемой лишь гудением в ушах да тихими звуками подготовки к следующему произведению, Михаил собрался с силами и заговорил.

– По рукам. Как в старые добрые времена моего лейтенантства.

– Вот и хорошо! Официант, мы готовы к продолжению. Светлана, Алевтина, прилетайте на наш огонек!

Девушки, шептавшиеся где-то в отдалении, подскочили со скоростью служебных собак, услышавших команду «Ко мне!»

– У Михаила сегодня хороший день, возьмите по бокалу и слушайте. Этот человек – Ален Делон и Пол Маккартни в одном лице. – Увидев поднятые в недоумении брови девушек, Харонский махнул рукой. – Попайдол. Икона стиля. Короче, ваш брутальный самец! У него обеспеченная старость и крепкое будущее, держитесь за него!

Девушки сели по обе стороны от Михаила, уставив на него томные взгляды. Генерал не отреагировал, но было видно, как он постепенно заливается краской.

– Мишенька, ты же горячий, о да! – Девушка с каштановыми волосами хихикнула и поцеловала Мишеньку в обвисшую, как у барбоса, щеку. Про себя Харонский сразу прозвал ее Каштанкой. Какие-то десять тысяч долларов в сутки – и вот она, любовь ровно на двадцать четыре часа с возможностью продления. Главное – оплачивать абонемент и не задумываться.

– У Мишеньки апартаменты на неделю, он как раз в отпуске, и ключи от машинки, в которой ждет водитель.

Харонский сделал особый жест рукой, и из угла комнаты вышел охранник в темном костюме и с замаскированным современными технологиями лицом. Девушки ахнули от удивления и на время вжались в кресла. Охранник держал ключи, бумаги и еще что-то. Вся компания, кроме Харонского, удалилась: Михаил в обнимку с девушками, охранник за ними. Камеры наблюдения были выключены все время встречи, гаджеты – изъяты охраной, глушилки активированы. Как обычно, верх конспирации. Прошла еще пара минут. Джаз смолк.

Харонский остался один среди натуральной кожи, витражей, нимф и мрамора – с недопитым бокалом вина. Уже уходя, он заметил, как официант поднял брошенную Михаилом ложку для икры, аккуратно положил ее на край подноса и унес.

Примечания

1. Делирий – острое помрачение сознания, когда человек начинает видеть, слышать или чувствовать то, чего нет, теряет связь с реальностью, путается в пространстве и времени, а его мысли и поведение становятся хаотичными. – *прим. корр.*

2. Даблдекер (от англ. double-decker – «двухэтажный») – двухэтажный автобус для перевозки пассажиров. Наиболее известный пример – лондонский даблдекер, ставший символом города и одним из самых узнаваемых городских автобусов в мире. – *прим. корр.*

3. Дож – титул выборного главы Венецианской республики с VIII по XVIII века. – *здесь и далее прим. ред.*

4. Анилиновая кожа – это премиальный вид натуральной кожи, который окрашивается прозрачными красителями без нанесения искусственного покрытия.

Глава 2. Узы доверия

Кирилл Волков в сотый раз пробежал взглядом по строкам данных, выискивая новые детали. Прохладный воздух уже не бодрил – всякий организм имеет запас прочности, и у Кирилла он был близок к исчерпанию. Но амбициозная цель доктора Волкова стоила этих мучений: найти свой путь в интеграции машины и человека при обработке информации, продвинуть исследования до грани этически спорного и даже неприемлемого.

Подопытный шимпанзе принялся недовольно барабанить по стенке вольера, прозрачной с одной стороны.

– Спартак, терпение будет вознаграждено, – успокаивающе начал Кирилл. – Скоро мы с тобой сможем общаться силой мысли. Потерпи, дружище.

К сожалению, исследования буксовали. Попытки упорядочить хаос нейронных импульсов вязли в невообразимой сложности. На экране плясали узоры и графики мозговой активности подопытного, а тот не торопился проникнуться важностью задачи.

А Кириллу очень хотелось успеть набрать материал к докладу. Быть может, он встретит там Анну – ту самую, с конференции в Ханчжоу, где она пророчила новую пандемию в тропиках. Общие слова – «Следующая пандемия придет скоро и неожиданно» – стали пророческими. Тогда он усмехнулся; теперь при виде миллионной статистики заболевших ощущал холодок. Нет пророка в своем отечестве...

На заднем плане шел выпуск новостей. Мир привычно кипел – протесты в ЕС из-за энергетического кризиса, сотый по счету виток напряженности на Ближнем Востоке. Китай сенсационно заявил, что вслед за США и ЕС готов отправить пилотируемую экспедицию к поясу астероидов для исследования его ресурсного потенциала. Миллиарды тонн золота и платины на астероидах типа Полигимнии были лакомым кусочком.

Кирилл обернулся, услышав вопли Спартака, и тут же почувствовал приступ. Темнота в глазах, покалывание в немеющих руках. Преодолевая внезапную слабость, он сел на пол, чтобы не упасть. Подступившие видения казались продолжением реальности. Будто он всё так же стоит у своего монитора, в этой лаборатории. Внезапно экран моргает, гаснет, и привычные картины сменяются неожиданным видеорядом: огни Москвы, горделивые шпили высоток, зубчатая стена Кремля, заснеженная Красная площадь. Но, несмотря на видимое сходство, это была совершенно иная Москва.

Вместо беззаботных туристов и празднующих горожан по ней одна за другой шли безмолвным парадом колонны людей в форме непривычного покроя. Шеренга шла за шеренгой – короткие бороды, знамена, которые Кирилл видел только в учебниках и исторических фильмах. Над Кремлем развевалось знамя из далекой и неизмеримо более суровой эпохи. Периода, когда после лихолетья страна только-только восставала из груды разоряемых княжеств под чужеземным игом. Эпохи уединенных монастырей, воевод и великих князей, наследников духа Сергия Радонежского и Дмитрия Донского. Эпохи, в которую уже появился привычный нам двуглавый орел, но фоном ему был желтый, а не красный цвет.

Наперебой звонили колокола столичных храмов точно во время вражеского нападения. Хмурые лица участников шествия говорили о решимости пройти тысячу битв во славу нового Собирателя земель. Казалось, над площадью, среди транспарантов в древнерусском стиле, реяло старинное, уходящее в века знаменное пение.

... Резкая боль вернула Кирилла в повседневность XXI века. Он лежал на диване в холодном поту. Подобное уже случалось раньше. Это было больше, чем галлюцинации, – словно сам купол бытия давал трещину, и в сознание врвался порывом студеного ветра отголосок иного мира, где царствовала зима. В эти минуты яркого послевкусия знакомый порядок вещей переставал казаться единственно возможным.

Настроение было на нуле. Не каждому понравится нырять в мир, где немногие выжившие, погрязнув в тотальной нескончаемой войне, борются среди кровавых осколков. Кирилл списывал все на усталость и переживания за проект. Порой ему виделось совсем другое: надвигающийся ураган, который лишь самые зоркие пока способны рассмотреть на горизонте. Начавшийся незадолго до этого дождь за окном резко усилился, превратившись в сплошную стену воды, что пытается смыть контуры привычного мира...

* * *

Конференция «Вирусология: вызовы и горизонты биотехнологий» в Сколково была ожидаемо насыщенной и утомительной. Слава синхронным нейропереводчикам, не приходилось разбирать чудовищный английский индийского коллеги и речь заикавшегося гостя из Китая.

Маленькое кафе было переполнено, но заказы выдавались исправно. Кирилл Волков, пионер внедрения нейроинтерфейсов в России, жутко ненавидел толчею и суматоху и потому безнадежно искал взглядом свободный столик.

Судьба подбросила лучший вариант. Свободное место отыскалось рядом с Анной Семеновой – той самой молодой женщиной с конференции в Китае, что дерзнула озвучить скандальные, почти конспирологические идеи на фоне прилизанных и осторожных выступлений прочих спикеров.

Из окна открывался вид на почти достроенную башню «Сколково-77». Анна листала бесконечную подборку материалов по теме. Усталая и сутулившаяся, девушка сосредоточенно жевала салат, не обращая внимания на внешний мир. Черные волосы были стянуты в хвост, а на переносице остался след от очков дополненной реальности. Такие выдавали наиболее важным участникам конференции для лучшего восприятия графических материалов.

Кирилл подошел деликатно, стараясь не мешать, и лишь предательская тень на столе выдала его присутствие.

– Здравствуйте! Свободно? – спросил он на всякий случай.

– Да, пожалуйста, – ответила она, не отрываясь, тем же голосом, которым час назад вещала про РНК-вирус «Хтонос» с бойкими интонациями ведущей телепередачи о путешествиях.

В начале конференции Анна рассказывала что-то про пугающую пластичность вирусного генома и его приспособляемость. Кирилл тогда заслушался ее голосом, залюбовался неприятным видом спикера и уловил далеко не все из сказанного.

– Анна, здравствуйте! – вновь сказал Кирилл. Девушка вздрогнула, оторвавшись от своих текстов.

Он заметил мимолетную неловкость в глубине ее карих глаз.

– Доктор Волков?

– Ваше выступление было еще интереснее, чем предыдущие, Анна. Я теперь ваш большой фанат!

– Это лишь пролог для доклада после перекуса, – смутилась Анна. – Ваше тоже запомнилось, хоть это и не моя область.

– Могу ли я угостить вас новым штаммом кофе? – Кирилл вложил в улыбку всю свою симпатию.

– Давайте уж лучше старые добрые варианты, – улыбнулась она в ответ.

– Только капучино и мое любопытство! – Кирилл подозвал официанта и сделал заказ на двоих. Его нейромодуль умел создавать «противошум» и приглушать гул, чтобы лучше слышать собеседника.

Они проговорили весь перерыв как старые знакомые. В девушке сочетались мысли серьезного, состоявшегося ученого и не угасшая еще юная страсть во взгляде. Когда Анна рас-

сказывала, в глазах загоралась та самая божья искра, что ведет человека к его мечте. Такая личность уговорит ассистента стать подопытным, если понадобится, и уж тем более рискнет собой ради науки.

– Западный ViraShield использует м-РНК конструктор. Почему они нашли уязвимость в S-белке «Хтоноса», которая, как вы говорите, далеко не очевидна?

– Их бюджеты и мощностность ИИшек позволяют не искать легких путей, – с обреченностью в голосе ответила Анна. – Их метод стоит десятков миллиардов долларов, а мой хоть и медленнее, в тысячу раз дешевле.

– Как обычно. – Кирилл как никто другой понимал зависимость скорости и расходов.

– У вируса есть очевидная, но компактная уязвимость. Типа маленькой дырки в броне. Туда очень сложно попасть...

– Вы попадете хоть белке в глаз, если я правильно понял ваш метод, – совершенно искренне похвалил ее Кирилл.

– Ваши работы по методологии устранения шумов в потоке данных тоже впечатляют, – ответила Анна. – У нас в лабе сейчас кошмар с погрешностями при расчетах в исследованиях *in silico*(1).

Кирилл почувствовал приятное волнение. На конференции про это не было – значит, она читала его статьи!

– Инфошум – мой личный враг номер один. – Он постучал пальцем по своему нейроинтерфейсу, «Нейрониту». – Значит, ваш подопытный «Хтонос» капризничает и в моделировании? Как же тогда ViraShield показал 95% эффективности? – Он намеренно перевел разговор ближе к своей области.

Анна словно того и ждала – принялась рассказывать про глиальные клетки, маскировку вируса и прочее. Кирилл слушал, засматриваясь: выразительные, но не слишком выступающие, плавные скулы, бледная гладкая кожа, темно-карие глаза в обрамлении густых ресниц. Он потерял нить разговора, пытаясь представить, как его пальцы погружаются в густые волосы, собранные в объемный хвост у основания шеи.

– Вы же умеете вычленять слабые паттерны из хаотического шума в нейронных сигналах? – спросила Анна. Кирилл очнулся от наваждения.

Это был комплимент личный и профессиональный одновременно. Кирилл отметил, что его имплант фиксирует всплеск эндорфинов.

– Хаос – моя стихия! – улыбнулся он, расправляя плечи. – Если цель стоит усилий, то поиск сути за хаотическим занавесом шумов – дело интересное. Вы делаете важнейшую работу, которая спасет миллионы.

Наступила секундная заминка, наполненная приглушенным шумом кафешки. Анна слегка улыбнулась.

– Миллионы – это слишком смело сказано, доктор Волков, – отметила она, допивая кофе. – Но если все получится, то... Светлая голова, которая поможет мне разобраться с глиальным хаосом, будет ценным подспорьем. – Она с искренней доброжелательностью взглянула прямо ему в глаза. – Может, заглянете к нам в «Вектор» после конференции? Посмотрите наши симуляции и попробуйте кофе лучше этого.

– Самое многообещающее предложение о сотрудничестве, – деловито кивнул Кирилл, скрывая эмоции.

Его «Нейронит» тихонько пискнул, напомнив об окончании перерыва. Он неохотно поднялся с насиженного места и, как бы извиняясь, сказал:

– Все же придется дослушать другие выступления. Но я решительно поддерживаю ваше предложение насчет симуляций и институтского кофе. Буду ждать вас тут же после конференции.

Уходя, он мельком обернулся: перед тем как снова ненадолго погрузиться в свои тексты и схемы на планшете, Анна бросила мимолетный взгляд ему вслед. «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я», – вспомнил Кирилл песню, которую слышал у бабушки. «Нейронит» зафиксировал легкое волнение, не связанное с дебатами, вирусами и вакцинами. Темно-карие глаза и усталая улыбка затмили конференцию.

Кирилл скучал, ожидая продолжение выступления Анны. Хотя она повторяла многое из известного широкой публике, он ловил каждое слово. Голос ее был одновременно по-женски обаятелен и звонок.

– Уважаемые коллеги, позвольте еще раз представиться: Анна Семенова, доктор биологических наук, «Вектор-Нейро». То, что началось как спорадические вспышки в трущобных районах экваториальных агломераций, за восемь недель разрослось до масштабов глобальной эпидемиологической бури. Вирус R3, или «Хтонос», как уже окрестили его в СМИ, – не просто очередная пандемия. Это нейротропный хамелеон, полностью переписывающий и геном, и наши представления о вирусологии.

9 июня, Мехико, фавела Сол-Насименто. Первый зафиксированный случай – тридцатидвухлетний муниципальный служащий, уборщик мусора. Лихорадка до сорока градусов, металлический привкус во рту, мышечные судороги.

12 июня, Джакарта, район Муара-Ангке. Сорокадевятилетняя продавщица на рынке. Тотальная потеря обоняния за шесть часов. В обоих случаях вирус не был идентифицирован, диагноз – токсическое отравление. Спустя неделю по всему поясу пригородных трущоб уже десятки очагов – их число растет экспоненциально. Вспышки в нигерийском Лагосе и индийском Мумбаи. Уже к 1 июля счет случаев идет на десятки тысяч – этому способствует высокая скученность, антисанитария, мобильность населения. Источник по-прежнему неясен.

Авиасообщение не могло дать такого эффекта.

Вспышки в Сингапуре удалось пресечь путем тотального контроля с распознаванием лиц. Но показатель R0 превысил пять, почти как у кори!

На шестую неделю эпидемия достигла пика. Смертность составляла от двух до семи процентов, максимальная – среди пожилых. Карантин сбил волну. Мой вывод таков: картина распространения эпидемии нехарактерна для РНК-вируса.

Смерть наступает на четырнадцатый день от острого энцефалита и дыхательной недостаточности. Число погибших – два миллиона и растет. Мониторинг и моделирование говорят об «эффекте 26 градусов»: при более низкой температуре вирус быстро инактивируется.

Поэтому ни один из городов с прохладным климатом не столкнулся с ростом заражений. В Северной Европе, России и Канаде все завозные случаи были локализованы. В Южной Америке, где только началась весна, южнее амазонских джунглей ситуация та же. В Буэнос-Айресе, несмотря на саботаж отрицающего вирус мэра, вспышка ограничилась тридцатью двумя случаями в нескольких семьях.

Анна закончила доклад и ждала вопросов, озирая аудиторию.

– А что вы скажете о ViraShield? – раздался голос с журналистского ряда.

Анна пристально посмотрела на вопрошающего, пытаясь понять, кто этот человек и что именно он хочет услышать.

– Для начала: R3, или «Хтонос», – не просто вирус. Он зеркало, отражающее нашу уязвимость перед силами природы, отягощенную социальным неравенством. Трущобы стали его инкубаторами. ViraShield выглядит как великий прорыв, как невероятно быстрая победа науки, но... – Анна замолчала, пытаясь подобрать подходящие слова.

– Но что? – давил репортер с большим логотипом своего канала на старомодном микрофоне.

– Есть вопросы к скорости разработки вакцины и последствиям ее применения. Метод инновационный и ранее не опробованный. Образцы для испытаний получены нами лишь

несколько дней назад. Китайским коллегам, насколько мне известно, все еще не удалось получить ни одной дозы.

– И к чему вы клоните?

– Перескажу официальную позицию из релизов «Глобал Биофарм», а свои мысли пока оставлю при себе. Представьте: вместо тысяч пробирок и многих лет тестов – цифровой полигон, где ИскИн(2) с бесконечной быстротой перебирает комбинации и моделирует триллион вариантов в секунду. С момента взятия проб в Сан-Паулу до расшифровки РНК-вируса прошло семь суток, из которых шесть с половиной – доставка. Имея базу патогенов, он смоделировал двадцать миллионов РНК-конструктов, выделив двадцать перспективных за три дня. Коллектив из ста лаборантов не успел бы и за три года. Чудо, не иначе.

– Дайте хоть намек, что думаете! Зрители ждут! – не унимался корреспондент.

– Без комментариев, следующий вопрос! – Анна сжала губы и перевела взгляд вглубь аудитории.

Дальнейшие вопросы были скучны и однообразны, и конференция, словно костер без новых дров, постепенно догорела речами все более серых и повторяющих друг друга ораторов.

– Анна, вы, надеюсь, не передумали? – сказал Кирилл, когда она подошла к столику в кафе, где он ждал ее по договоренности.

– Нет, хотя еще немного, и я запустила бы в них чем-нибудь тяжелым. Это ж надо было придумать: спросить про чипирование через вакцинацию после вопроса «не является ли вирус карой Божьей».

– Прогресс идет, а идиоты стоят на месте, – ответил Кирилл, чем развеселил Анну. – Ну что, поехали, Анна Александровна!

Примечания

1. In silico (от лат. «в кремнии») – термин, обозначающий компьютерное моделирование эксперимента, зачастую биологического.

2. Искусственный интеллект

Глава 3. Полеты во сне и наяву

– Тем временем в Центре управления полетами в Хьюстоне царит напряженная тишина, – вещал диктор с экрана в лаборатории «Вектор-Нейро», сопровождая трансляцию эпохального события. – Идут заключительные приготовления к запуску девятнадцатого модуля Starship BFR – последнего необходимого для сборки корабля «Арго». Через сто двадцать часов экипаж из шести человек отправится с беспрецедентной миссией по поиску космических сокровищ в поясе астероидов! Не переключайтесь!

Зрителям показали интерьеры корабля, предлагая переключиться в режим обзора на триста шестьдесят градусов. В невесомости внутреннего пространства среди ящиков, шкафов, дисплеев и дверей плавали астронавты и роботы, таскали грузы, тыкали в приборные панели. Снаружи, на фоне борта корабля и матово-угольной тьмы открытого космоса, два техника контролировали десяток манипуляторов, разворачивавших очередную солнечную панель и проверявших реактор.

Корабль состоял из центрального модуля с рубкой утолщением, широких солнечных панелей, перпендикулярно расходящихся на сотню с лишним метров в каждую сторону, и длинной перемычки, отделявшей реактор от всего прочего. Собиравшаяся по модулям тысячефутовая космическая «стрекоза» смотрелась вызывающе на фоне типовых модулей космических станций и «колбас» ракет-носителей.

– Удивительно, что на конференции не задали вопрос:

«А что, если космонавты привезут с астероидов межпланетную чуму?!» – не удержался Кирилл, отрываясь от кофе, поднесенного Анной.

Кофе был и вправду лучше, чем в Сколково.

– А ведь этот проект и эпидемию кое-что объединяет.

Знаешь, что? – Анна впервые назвала его на «ты».

– Эм-м-м, вирусы и планеты имеют форму шара? – с ходу выдал Кирилл.

– Нет, – загадочно улыбнулась Анна, – я про другое. Харонский, судя по расследованиям искателей компромата, влез и в «Глобал Биофарм», и в проект «Арго». Большие пакеты акций и там, и там.

– Обычное дело для олигарха – инвестировать в сотню разных отраслей. Как-то изучал бизнес-империю одного миллиардера: там более тысячи компаний – от производства носочков для детей до верфи для батискафов. Прямо как паутина.

– Или метастазы... – добавила Анна. – Кто его туда пустил? Два года назад японцы пытались зайти в «Глобал Биофарм», им дали от ворот поворот.

– Эм-м-м... Учитывая, что Япония уже сто лет как во всем смотрит в рот США и дружит с Европой, это действительно интересно. Но сыны самураев, наверное, не учли фактор материальной заинтересованности участников переговоров. Не заложили процент за откат, – более доверительным тоном сказал Кирилл. – А Харонский, заставший постсоветские девяностые юношей, явно знает в этом толк.

– Первым делом миссия «Арго» направляется к астероидам Полигимния и 1986 DA, плотность которых намекает на колоссальные залежи золота, платины, осмия и иридия, – продолжал диктор. – Возможно, там откроют таинственные сверхтяжелые стабильные элементы, над синтезом которых уже семьдесят лет бьются физики на Земле. Уникальный, специально разработанный для миссии термоядерный реактор Gigapower обещает доставить их до первой цели менее чем за два месяца!

– Итак, обратный отсчет. Пять. Четыре. Три... два... один... пу-у-уск!

Извергая столб адского пламени, целиком окутавший основание стартового комплекса, пузатая ракета начала тяжело и будто бы неохотно подниматься. Беснующиеся языки огня тол-

кали ее все выше – первый слой облаков, второй слой... Оставляя дымчатый след, Starship BFR устремился в густую, переходящую в полумрак синеву рассветного неба Флориды. Камера на боку ракеты перешла в режим трехсот шестидесяти градусов. Каждый желающий в очках дополненной реальности мог представить себя на борту и оглядываться во все стороны. В реальности, конечно, сверхзвуковой ветер размазал бы ездока тонким слоем по борту, как масло о хлеб.

– Напомню: впервые в мировой истории в частные руки передают сто списанных термоядерных зарядов из арсенала Британских ядерных сил, – продолжал неугомонный ведущий. – Страшнейшее оружие массового убийства проложит путь к глубинам астероидов и подарит миру богатства, которые не снились экипажу древнего «Арго». Как сказала командир экипажа Эльза Морено, бывшая астронавт ESA, «мы со смертью за пазухой летим за будущим для всего человечества».

Анна выключила телящик, и голос замолк.

Лаборатория «Вектора» была истинным воплощением единства противоположностей. Сектора, в которых исследовали бактерии, вирусы и вакцины от них, содержались в идеальной чистоте. В административных помещениях царил творческий беспорядок: пачки распечаток, чашки с окаменевшими остатками кофе и тому подобное. На экране светилась трехмерная модель молекулы белка.

Анна старательно объясняла Волкову всё показанное на экране: наночастицы, м-РНК-конструкты, кодоны – словом, весь портрет добытого с большим трудом образца чудо-лекарства от «Глобал Биофарм».

– Никаких наночипов с 6G не вижу, – сказал Кирилл, глядя на вращающиеся цепочки РНК.

– Если бы речь шла о наночипах, это было бы легче объяснить, – возразила Анна, увеличивая участки изображения. – Идеальный комплементарный замок – как ключ, отлитый специально для этого вируса. – Она провела пальцем по кривой. – Ни единого лишнего колебания, энергия – минус двадцать один и три: на пороге необратимого связывания. Будет чуть больше – повредим стенку клетки, чуть меньше – и вирус отпустит цель.

– Божественный слесарь работал, – заметил Кирилл, в задумчивости грызя карандаш. – Или очень, очень хороший алгоритм.

– Мне нелегко признавать, но наш «Вектор» в сравнении с этим – кувалда возле лазерного скальпеля.

Анна стояла рядом, так что их плечи соприкасались.

– И сделано это вразрез с директивами ЕС, вот что интересно... Как у них удалось согласовать это в Европейском агентстве здравоохранения и снять возражения ВОЗ за три недели?

– Вот где реально мистика, – согласился Кирилл.

– Этот наноскальпель режет слишком чисто, с математической предопределенностью. Живая клетка – не вакуумная камера. Белки, жиры, углеводы гоняют тудасюда, создавая почти броуновское движение и помехи. – Анна ткнула в график на соседнем экране. – Вот динамика нейтрализации вируса. Все как по расписанию, ни разбросов, ни сбоев. Так можно сделать, только если...

– Знать все параметры заранее? До молекулы, до секунды времени на репликацию копии вируса! – заключил Кирилл, прервав задумчивое молчание Анны.

Она переключила изображение и запустила симуляцию. На экране возникла сложная трехмерная модель – взаимодействие липидной наночастицы ViraShield с мембраной иммунной клетки. Частица подходила к клетке, сливалась с мембраной, после чего строго дозированная порция генетического кода выстреливала внутрь.

– Так не бывает, верно?

Кирилл пытался придумать разумное объяснение, которое исключало бы сверхъестественное, но не мог. Единственное, что ему приходило на ум, – перефразированный закон Кларка: «Любая достаточно развитая наука для непосвященного взгляда неотличима от магии».

– Не должно быть. Нет адаптивной составляющей – любой препарат действует с вероятностями, а этот – с предопределенностью.

– Само по себе это ничего не доказывает. Ты смотришь в спину тем, кто вырвался вперед, и ищешь оправдания. Проигравшему подсознательно хочется подсластить горечь поражения. Вот как это выглядит со стороны.

Кирилл напрягся, ожидая негодования в ответ на холодный душ неприятной правды. Это должно или подорвать, или усилить зародившуюся симпатию Анны – пятьдесят на пятьдесят. Впрочем, зашоренная самовлюбленная дура, неспособная к самокритике, ему была не нужна, так что ход беспроектный.

– Плевать в спину им я точно не намерена, – спокойно ответила Анна, к его вящей радости. – Но понять причину и самим подтянуть уровень точно надо.

– С другой стороны, если я все понял правильно, такой успех в высшей степени маловероятен и сомнителен. Так что копайте, Анна Александровна, а я буду лопаты подносить. – улыбнулся Кирилл, и добавил – Присылай все модели и материалы, какие не ДСП. Я попробую прогнать их через свои фильтры и свой опыт.

«Пришлю даже ДСП», – написала она на бумажке карандашиком, после чего скомкала ее и спрятала в карман. Кирилл понял, что все только начинается...

– Я закажу два билета в интерактивный ад, – ответил он тоном, не терпящим возражений. – Там мы будем пить кофе и не только.

* * *

Анна чувствовала себя совершенно выжатой, вернувшись поздно вечером в свою пустую квартиру. На массивном деревянном столе из ясеня с живой текстурой лежали распечатки по ViraShield – те самые «слишком гладкие и совершенные» результаты, которые не укладывались в голову.

Квартира была еще родительская; правда, Анна сделала в ней основательный ремонт. Белоснежные строгие стены украшала лишь пара картин: горный пейзаж с зеркальной гладью озера и домиком на фоне скал да абстракция, намекавшая не то на синусоиду, не то на спираль ДНК. Кухня с темным сине-зеленым матовым фасадом и светлой столешницей, стройный ряд суккулентов в простых керамических горшках на обоих подоконниках. Непритязательные и стойкие, словно почетный караул, они легко переносили забывчивость хозяйки и были столь же скупы на внешние проявления радости, как и она.

Взгляд Анны упал на портрет родителей на столе. Они исследовали вирусы, несмотря на разруху девяностых, и остались верными делу российской науки, тогда как другие предали ее ради сытой жизни в эмиграции. Кто знает, может, она теперь стояла бы по ту сторону, будучи ведущим специалистом группы разработки ViraShield, согласись они тогда на предложения?

Спрашивать себя об этом было уже давно бессмысленно: родители погибли при падении легкомоторного самолета в глубине Африки в середине тридцатых, когда она училась на третьем курсе. Сегодня, как часто случалось, она мысленно спрашивала у отца и матери совета, пытаясь понять, как бы поступили они на ее месте, как действовали бы с учетом тех данных, что есть у нее.

С этими мыслями Анна, не раздеваясь, легла на диван: надеялась полежать пять минут, хотя бы ненадолго перебороть усталость и неожиданно нахлынувшую горечь давней утраты.

Тяжелое забытие поглотило ее прежде, чем она вспомнила, сколько еще нужно сделать до начала следующего дня.

Ей снился сон, продолжавший предыдущие, но ставший еще более детальным и ярким, чем прежде. Анна стояла на идеально ровном, прямо-таки зеркальном полу с тусклым металлическим отливом. На ней был не халат, а подобие униформы, но не военной, а скорее научноисследовательской. Нашивка на правой руке парила в воздухе, ее основой были стилизованные буквы названия, которое не упомянуто ни в одном словаре мира. Анна огляделась: место оказалось незнакомым, но приятным. Это был не кабинет, не лекторий, а целый собор науки.

Огромный зал простирался вширь на сотню метров, поделенный на уровни множеством рядов оборудования и ажурных, словно парящих в высоте переходов. Пахло озоном и немного металлом. Воздух пронизывал едва уловимый шум аппаратуры, на фоне которой выделялся ряд голограмм неподалеку от бескрайнего окна. Черные дыры со сверхмощных телескопов, слепки младенчества Вселенной с эпохи первых секунд ее существования, экзотическая материя... Шум не был навязчивым – ровное и мягкое гудение исходило отовсюду, словно струились гигантские потоки, подгоняемые биением цифрового сердца, принадлежащего грандиозному искусственному разуму.

Зал был высечен в сплошном скальном массиве; из окна открывался вид на живописную долину, упиравшуюся в горы, чьи зубчатые вершины щекотали бегущие по небу фигурные облака. Уходящие вдаль стены изгибались плавно, гармонично, точно математические кривые. На потолке сияла симуляция Млечного пути в высочайшем, фантастическом разрешении, и это сияние приглушенно отражалось в полу даже при дневном свете, создавая ощущение парения в бездне.

За уходящими в толщу скалы стенами незримо обрабатывались квадриллионы квадриллионов мегабайт данных в секунду – колонны стабилизированной магнитными полями плазмы пульсировали в непостижимом ритме, словно бы в такт вычислениям. Еще немного прогресса – и им будет под силу открыть Единую Теорию Всего, найти средство от всех болезней, отыскать смысл жизни. Расшифровать ДНК Вселенной, где в единую картину укладываются каждый момент времени – от первого мгновения до утопающей в безмерной дали будущего тепловой смерти, все масштабы пространства – от планковских длин до межгалактических расстояний, ветвистые деревья развития жизни на всех планетах и многое-многое другое.

Внезапно Анну заметил один из медитировавших на парящих мобильных платформах техников. Как и его коллеги, он движением рук масштабировал голограммы, сосредотачиваясь на самом важном, и мысленно вел диалог с ИскИном. Как и у остальных, на его униформе были непонятные голографические знаки.

Анна пыталась вспомнить название учреждения. В голову лезла высокопарная чушь наподобие Собора Разума или Храма Понимания. Это была не просто организация, а наглядное воплощение идеи чистого Просвещения в космических масштабах, овеществленное в камне и энергии под симфонию чувства прекрасного. Несмотря на пугающий размах, Анна чувствовала лишь благоговение перед мощью познания, ставшей одной из целей новой цивилизации. Она наконец поняла природу гула – то гудела сама ткань пространства, как гигантский камертон.

* * *

Тем временем на другом конце планеты борьба с новой эпидемией усиливалась. Сгустившийся в безветрии воздух в районе Истапалапа, Мехико, пах жареным маслом, мочой и противной до рвотных позывов гнилью сточных канав, еще хранивших тепло полуденного солнца. Лабиринты улочек – прокаленный бетон, грязные разрисованные стены и проржавевшее железо – размывались,плыли и дрожали в предвечернем мареве. Стены домов и домишек,

облепленные спутниковыми тарелками и антеннами, а также крыши с криво расставленными солнечными батареями и баками воды источали жар. Но этот жар казался прохладой больным «Хтоносом» с температурой под сорок, коих насчитывались многие тысячи.

На пустыре неподалеку от самых ветхих кварталов, где в сезон дождей разливалось зловонное озеро, а сейчас была лишь корка грязи, развернулся пункт вакцинации. Два армейских грузовика с растянутыми между ними брезентовыми тентами, пластиковые столы, обставленные коробками со шприцами и медикаментами для экстренной помощи. Перед тентами на г-образном флагштоке висел транспарант с алыми буквами ViraShield на белом фоне.

Очередь змеилась через весь пустырь, уходя в кварталы, петляя меж куч мусора и теряясь далеко в переулках. Тысячи людей от мала до велика образовывали «дорогу жизни», гонимые страхом и надеждой. Старики опирались на палки, женщины качали младенцев, висевших на плечевых ремнях из пестрых тканей. Дети постарше стояли на земле, держась за юбки матерей и наблюдая за происходящим не по возрасту серьезным взглядом. Мужчины в футболках, робах, засаленных костюмах, сурово шурясь, прикидывали время, за которое дойдут до заветного пункта. Разговоры периодически тонули в приступах сухого лающего кашля, доносившегося из полевого госпиталя, в нарушение всех правил стоявшего вплотную к пункту вакцинации. Кашель пронизывал атмосферу госпиталя, проносился раскатами, никогда не умолкая надолго.

Медсестра в помятой, взмокшей униформе, уже одуревшая от жары, монотонно, бездумно делала свою работу. Руки воспроизводили нехитрый алгоритм: считать сканером индивидуальный код каждой вакцины, протереть плечо спиртовой салфеткой, сделать быстрый укол, приложить ватку, сделать запись: имя, фамилия, адрес, год рождения – ничего больше. Возглас «Следующий!» знаменовал начало нового цикла. В этом конвейере борьбы со смертью не оставалось места для улыбки и сопереживания. Получивший укол хмуро тер плечо и плелся прочь, освобождая место следующему.

Двое полицейских в бронежилетах, стоявшие поодаль с оружием, создавали иллюзию контроля со стороны государства. Толпа, на которую они смотрели со скукой, переходящей в отвращение, давным-давно примелькалась им. Их роль ограничивалась окриками: «Держать дистанцию!» и «Не толкаться!». В толчее это звучало откровенно неуместно, издевательски: невозможно было стоять иначе, чем дыша другому в затылок.

Время от времени доносилось жужжание дрона, кружащего над очередью, чтобы заснять для отчетности жуткие кадры.

Вот вне очереди подбежала перепуганная мать, неся пунцового ребенка с невыразительным взглядом. Едва стоя на ногах, не замечая текущих по вискам крупных капель пота, она бросилась рассказывать что-то, не дожидаясь, когда на нее обратят внимание. Доктор, контролировавший процесс со стороны, повелительно отозвал женщину и отвел к госпиталю. Там санитар опросил ее, записал «день третий, симптомы средней тяжести» и отправил в детский блок, выделив в сопровождение одного из фельдшеров в пыльном халате. В проходе она вынуждена переступить через старика с трясущимися руками, без умолку бормотавшего бессвязные слова.

– Доктор, это то, что нас ждет? – в панике спросила женщина.

Сопровождающий небрежно кивнул и ответил:

– Девятый день болезни. У стариков все протекает тяжелее. Ждите седьмого дня. Если будут первые симптомы энцефалита, сразу обращайтесь, – напутствовал он, вводя женщину в «семейный» блок, обставленный двухъярусными кроватями казарменного типа и переполненный орущими детьми.

Группа подростков, наблюдавшая со стороны, по очереди курила дешевый пластиковый стик. Внезапно одному из них стало плохо, взгляд помутнел. Пытаясь что-то сказать, он наморщил лоб, вытаращил глаза, не в силах сформулировать даже простую мысль. Товарищи тревожно смотрели на него, затем все поняли и разбежались. Шатаясь, он сделал несколько шагов

к госпиталю, но неодолимая сила болезни согнула его пополам, заставила блевать прямо на окаменевший вонючий ил.

«Глобал Биофарм» несла этим людям надежду, вливаемую через иглу усталыми руками под брезентовым тентом. Для кого-то это станет спасением, для кого-то – лишь отсрочкой. В толпе никто не читал про «идеальную структуру» или «нейротропные кластеры». Люди знали только одно: здесь колют что-то, что может помочь. И шли в надежде выиграть время и опередить вирус, чтобы продолжить жить в этом пыльном аду.

Глава 4. Списки приговоренных

Максим Харонский завтракал за массивным столом из лабрадорита, завершая затянувшийся визит в Россию. Сопровождаемый только ближайшим помощником, он неторопливо приходил в себя. Стекланный пентхаус на Мосфильмовской мало кто даже опосредованно мог связать с его персоной – одна из множества локаций, в которых помешанный на анонимности олигарх проводил время. Он специально оставил основные устройства на роботе-пылесосе в особо защищенном секторе особняка на Рублевке и перевел их в режим имитации человеческой активности. Вместо обычного «Майбаха» он поехал на малозаметной, основательно переоборудованной «БМВ» с подменными номерами, ограждаемый от мира коконом глушилок.

Программа визита была обширна. Харонский видел себя механиком, смазывавшим детали механизма перед финальным запуском. Так и было: *смазывать* приходилось многие движущиеся части бюрократической машины. К его услугам был персонифицированный вариант корпоративного ИИ «Искатель», всесторонне анализировавший нужных людей по сведениям из открытых и закрытых источников. Резервный блокнот следил за взором хозяина, распознавал его и не позволял прочесть записи с любого другого угла: даже налюбная камера увидела бы лишь размытые полосы вместо строк.

Проглотив овсянку с ягодами, Харонский быстро просмотрел сводки собственной «Службы К». Активность специальных служб и общественности пока оставалась значительно ниже порога тревожных ожиданий. Собственно, результаты визита не радовали: вопреки прогнозам, несколько ключевых фигур не показали должной готовности к сотрудничеству, причем в наиболее критических направлениях! Все предстояло делать без риска привлечь внимание президента. А тут еще серия скандалов со взятками в крипте – пришлось списать ряд полезных людей ради спасения остальных, хотя это и сделало последних более лояльными.

Он допил свежавыжатый яблочный сок – яблоки он признавал только двух сортов, самых кислых – и перешел в особое закрытое помещение для совещания. Квантовые протоколы связи имели ахиллесову пяту: ноутбуков с криогенным модулем, рассчитанным на температуру минус двести, так и не придумали; в народ технология не пошла, найдя применение в министерствах, корпорациях и в изолированных дата-центрах. Заговорщики не удовлетворились переходом на квантовые протоколы: половина данных шла через американский орбитальный «Квантум-Линк», другая – по оптоволокну. Даже при наличии ключей перехват одного потока из двух был абсолютно бесполезен.

– Ключи «Молния» приняты, расхождение 0,02%, утечек данных нет, – пробубнил автоматический голос.

Харонский вставил свою цифровую подпись и прижал палец.

Система сравнила отпечатки, измерила пульс и давление, чтобы исключить принуждение. Сквозь короткий злой треск послышался голос Андерсона:

– Господа, меня слышно?

– Слышно отлично! – ответила Вандермейерша, как про себя прозвал ее Харонский за чрезмерную даже по нормам ее круга сухость и черствость.

– На связи! Вас слышу, – отозвался он; следом откликнулась еще пара собеседников.

– Итак, на данном этапе отклонения от плана по-прежнему в приемлемом диапазоне. Миссия «Арго» начала разгон и будет в точке «События Один» через шесть дней. Реализация компонента «Бета» идет с опережением графика. Охват превысил пятьсот пятьдесят миллионов; суточные темпы приблизились к тридцати миллионам и далее вырастут до восьмидесяти. Планы антикризисного восстановления и программы пересборки сверстаны. Выполнимость «Феникса» – на уровне 93%.

«Рисковые парни, – подумал Харонский. – Семь процентов на неудачу – чуть безопаснее русской рулетки». С одной стороны, он застал еще девяностые, когда 93% успеха любой «малиновый пиджак» считал бы достаточной гарантией. С другой, расчетливость и педантичность дельца восставали против 7% на провал. Уж он-то обожал предусмотреть все хотя бы до 99,5%. ... Впрочем, назвавшись груздем, из кузова выпрыгивать не стоит.

– Путем превентивного статистического моделирования мы сформировали списки лиц – наиболее вероятных источников утечки информации о планах и событиях. При отборе учитывалось, как критика, протестная активность и настойчивость сочетаются с областью профессиональной деятельности. «Список Пи» появится у вас в течение минуты.

После де Морвея с новостями о ходе сетецентрических⁽¹⁾ переговоров в научных и политических кругах настал черед Харонского. Кроме отсутствия критических провалов, похвастаться ему было особо нечем. Поэтому он ограничился сухой фиксацией результатов основных встреч и оценкой действий важных контрагентов по мере реализации задумки.

– Какие меры реагирования на фигурантов «списка Пи»? – закончил вопросом Харонский.

Интуитивно он понимал, каким будет ответ, но хотел его услышать.

– «Пи» – от слова «проскрипции»⁽²⁾, Макс! – с некоторым раздражением ответила Вандермейерша. – Чтобы любой Цицерон закончил путь в виде головы на нашем блюде, даже не успев написать свои филиппики.

Совещание закончилось. Харонский вышел из полумрака квантовой комнаты; охранные системы пикнули. Датчики, отвечавшие за периметр, бодренько отчитались о переходе в активный режим красивым женским голосом. Наступало время обеда и изучения списка этого самого Пи.

Сев за лабрадоритовый стол, Харонский задумался. Взгляд его застыл на чудесном виде, который можно было сравнить разве что с альпийским пейзажем. Солнце лило на город сентябрьское тепло сквозь разросшиеся прогалины в облаках. Пятясь и темнея в лучах, тучи будто бы опирались на холодную синеву небоскребов Москва-Сити, почти касаясь вершин. Можно было представить, что это не небоскребы, а струи дождя затапливают Пресненскую набережную. Справа, в полукилометре от резиденции, едва заметно колыхалась уже по-осеннему помрачневшая рябая полоса Москвы-реки. Прекрасный вид, не то что в обнесенных шестиметровыми заборами особняках Рублевки.

Сотни и сотни фамилий проскрипционного списка. В мировом масштабе – немного, всего примерно по дюжине человек на страну. Ученые, общественные деятели, политики, меценаты, врачи, юристы, инженеры и даже два космонавта – кого только не было! Каждый фигурант – несомненно выдающийся, нерядовой человек, раз уж попал в перекрестье цифровых взглядов прогностических механизмов его европейских соуч. ... соучредителей этого великого мероприятия.

Харонский выбрал и для удобства распечатал российские фамилии. Их набралось около двадцати. Не такой уж большой простор для эскадронов Хранителей Тайны. О троих он что-то слышал, еще троих – генерала, депутата и экс-главу Роспотребнадзора – припоминал среди гостей на мероприятиях.

Описания были предельно краткими. Список не вызывал особого удивления. Никакого дуболомства вроде посягательств на первых лиц государства. Выдающиеся люди страны, даже первые в своей узкопрофессиональной области, не охраняются как политики и будут легко досягаемы. Многие из них еще не копали в нужном направлении, но непременно придут к этой мысли. Угроза будущему, которую надо искоренить в зародыше.

Морозов Владимир Сергеевич, 2001/24/07, М. Журналист. Собирает критическую информацию о «Глобал Биофарм» и связях с ЕС, контрпродуктивные репортажи о проекте «Арго». Широкие связи, использование современных методов. Степень угрозы: Alpha+.

Семенова Анна Александровна, 2014/10/28, F. Руководитель лаборатории в НИИ «Вектор-Нейро». Исследование механизма работы ViraShield, публичные сомнения в достоверности информации о вирусе и вакцине, широкий доступ к материалам и технологиям. Степень угрозы: Alpha+.

Зайцева Марина Анатольевна, 1988/07/02, F. Депутат ГД, бывший руководитель государственного ведомства. Запросы в ВОЗ с требованием независимых непрерывных проверок и расследования появления вируса «Хтонос». Степень угрозы: Alpha.

Матвей Витальевич Сидоров. Генерал-лейтенант ФСБ в отставке. Степень угрозы: Alpha.

Ковалев Павел Анатольевич, генетик, работы по селективной блокировке синтеза белков. Степень угрозы: Alpha.

Харонский бегло изучил биографии «подопечных» и сделал несколько пометок. Подозвав шефа службы безопасности, сопровождавшего его большую часть визита, олигарх велел:

– Когда через неделю я снова прилечу в страну, этот список живых должен поредеть. Альфа плюс – первая очередь. С кого именно начать, выбирай самостоятельно.

Петр Сергеевич, бывший генерал-майор Росгвардии, бодро взял бумажку с пометками и быстро пробежал ее глазами. Человек, над коим в свое время висела угроза долгого срока, был фанатично предан боссу. Когда-то именно Харонский спас его от десятилетия за решеткой по делу о завышении стоимости обмундирования. Далось это нелегко: благодаря предельному напряжению связей дело пошло безопасным для Петра Сергеевича путем. Однако через полтора года не без благоприствования Харонского сели уже те, кому он был должен за эту услугу. Для задач Харонского кандидат подошел идеально: абсолютная лояльность и исполнительность, помноженные на беспринципность.

– Вот этот. – Петр Сергеевич ткнул пальцем в абзац с журналистом Морозовым. – Начну, пожалуй, с него. А следом – Анна Семенова...

– Отлично. Вот тебе контакт ценный для косвенных сопутствующих вопросов. Если потребуется, можешь сразу говорить, что от меня и по важному делу.

Харонский протянул визитку Михаила Громова – того самого «медведя», обласканного парой профурсеток. Воздух в кабинете снова наполнился озоном, как во время грозы.

Примечания

1. Сетецентрический – связанный с объединением кого-либо чего-либо в единую информационную сеть. – *прим. корр.*

2. Проскрипция (от лат. *proscriptio* – «письменное обнародование», «оглашение») – в Древнем Риме процедура обнародования списков лиц, объявленных вне закона, а также сами такие списки. – *прим. корр.*

Глава 5. Трагедия в пустоте

Международная космическая станция «Гармония» бесшумно неслась над ночной стороной Тихого океана, одна в бархатной тьме на высоте четырехсот двадцати километров. Далеко на горизонте, под ослепительной дугой атмосферы, вытягивалась освещенная часть планеты. Марина Соколова плыла в невесомости по стыковочному узлу между модулями, цепляясь за поручни. Сознание еще не остыло после многоголосого гудения аппаратуры отсека жизнеобеспечения. Казалось, писк преследовал ее до сих пор.

Марина остановилась прямо посреди обзорных иллюминаторов «Купола Звездного Неба» – двадцати одного блока десятисантиметрового многослойного «стекла». «Купол» позволял видеть проявления человеческой жизни среди царствовавшего внизу мрака. Мегаполисы казались запылившимися светящимися паутинками. Лучшего места для обеда было не сыскать не только на станции, но и в мире.

Марина вставила ноги в специальные фиксаторы, чтобы невесомость не тащила ее невесть куда. Из нагрудного кармана-сетки она достала плоский пакет с этикеткой «Борщ сублимированный». Затем, воспользовавшись настенным диспенсером, она проколола клапан специальным шприцем, добавила сто миллилитров воды и старательно размяла пальцами содержимое. Через пару минут тягучая масса обрела привычную консистенцию и подарила знакомый вкус детства. Свеколка, томатная кислинка, мясо мелкими кусочками... Почти как у бабушки в деревне. Только трубочка, через которую приходилось есть практически любую пищу из-за треклятой невесомости, ломала идиллию. Толстое стекло, одиночество, тишина, легкость во всем теле, словно во сне. Это было куда лучше, чем посасывать свежесжатый сок на самой пафосной яхте мира – особенно потому, что для отдыха на яхте молодой девушке, скорее всего, пришлось бы посасывать не только сок.

Когда в пределах видимости показались мегаполисы Индокитая – Сингапур, Хошимин, – Марина завершила трапезу. Работоспособность станции вполне могли поддерживать роботы, но автоматизация и ИИ не отменяли необходимости человеческого участия. Перепорхнув в главный модуль российского сегмента, она сверилась с показаниями на экранах. Одной из множества задач было отслеживание ключевых параметров межзвездной миссии «Арго».

«Арго». Как много в этом слове сосредоточилось для энтузиастов космоса! Впервые частный космический проект достиг таких масштабов: для сборки на орбите потребовалось аж девятнадцать «Старшипов». Впервые пилотируемый полет такого масштаба выходил за пределы Марса. Что может быть лучше, чем найти космосу полезное, практическое применение, чтобы заткнуть скептиков и критиков, призывавших пристальнее смотреть под ноги вместо неба?

Марина пробежалась по телеметрии. Собранные в единую цепь модули с расходящимися в стороны солнечными панелями делали корабль похожим на двухсотметровую стрекозу. Только стрекозу с инновационным двигателем – термоядерным, как и у нового китайского буксира «Цюйцзинь», но большего размера и мощности. Параметры – тяга двигателей, скорость, траектория – не отклонялись от нормы. Планету и «Арго» разделяло уже три миллиона километров...

– Соколова! – раздался вдруг сильный командный голос Федора Маркова с другого угла модуля.

Он проплывал синим китом, держа в руке квадратик бородинского хлеба в пленке и банку творожка с кедровыми орешками.

– Это из вчерашних посылок. Бери, пока есть!

– Ты опоздал, Федя, я только что ела.

– Меня это не остановило бы, – парировал компаньон.

– Такая еда – роскошь: вкус, напоминающий о Земле.

Федор ел на лету прямо из банки, нарушая инструкции; правда, делал это умело.

– У каждого свой вкус дома.

– Что это? – Федор показал на монитор.

Марина повернулась. На экранах телеметрии «Арго» заплескали красные надписи. Резко подтянувшись на руках к монитору, она обомлела.

– Скачок нейтронного потока! Падение напряжения в контуре магнитных катушек! Растет!

Раздался писк детектора нештатной ситуации; прозвучало объявление: «„Арго“ – Земле! Терпим бедствие. Передаем данные. Неконтролируе...» Дальше – скрежет, завершившийся монотонным шипением.

На экране бежали сводки:

23:44:49 [ALARM] Gamma: 6.13 MeV (U-232)

23:44:53 [ALARM] Neutron flux: 1e11 n/cm²/s 23:44:58 [CRITICAL] Plasma density: 1e18 m³ ^ 0 23:45:01 [CRITICAL] CORE PRESSURE +900%

23:45:03 [CRITICAL] Reactor scram: FAIL 23:45:05 [ALARM] Reactor status: UNAVAILABLE 23:45:06 [ALARM] SIGNAL LOST

Красные лампочки тревоги дополняли сигналы об отсутствии входящих данных. В тягостном молчании Федор и Марина посмотрели друг на друга, словно спрашивая: «Ты думаешь то же, что и я?»

Тишину разрезал голос оператора:

– Это Центр управления полетами, на связи?

– На связи! – ответил Федор.

– Миссия «Арго». Контакт прерван. – Человек на Земле явно был взволнован.

– У нас то же самое. Сигнал потерян. – ответили со станции.

– Подключаю вас к информации с инфракрасных телескопов.

Через несколько минут, требовавшихся для ориентации телескопов, на дисплеях появилось составное изображение черноты космоса с редкими точками звезд. На месте Арго – бледное темно-красное мутноватое пятнышко перегретого водорода. Аппаратура работала на пределе, усиливая градиент кадра. Помутнение расплзлось, словно капля краски на мокрой бумаге, редая, истончаясь. Судьба «Арго» была предельно ясна.

– Наблюдаю последствия взрывного разрушения объекта на фоне потери сигнала. – Дрожащий голос Марины сохранял строгость интонации.

Она представила последние секунды «Арго»: обшивку корабля, вспучивавшуюся, как фольга, ослепительную короткую вспышку, разорвавшую космическую «стрекозу» от «морды» и до кончиков крыльев. Пять лет напряженной работы, сотни миллиардов инвестиций, семеро первопроходцев – все стало абзацем с кровавой точкой в истории освоения космоса.

В модуль бегемотом влетел Эдвардсон – командир американского сектора – с потерянным и бегающим взглядом. Он едва успел начать: «Вы слышали?..

„Арго“...» – и все понял по лицам и сигналам на экране. Для него это была еще и глубокая личная трагедия: большая часть экипажа погибшей миссии проходила с ним курсы подготовки.

Во тьме за стеклом, среди булавочных головок звезд висел двадцатиметровый скат-манта – термоядерный планетолет «Цюйцзинь», головной в серии строившихся для китайской космической программы. Включив маневровые двигатели, он как раз начал сближение для дружественного визита. Через минуту вибрация пронизала «Гармонию»: планетолет соединился со стыковочным модулем, передав ему мизерную долю импульса и энергии. – Если есть выжившие, «Цюйцзинь» – единственный шанс спасти их. – Соколова снова вызвала ЦУП. Теперь с ней разговаривал лично заместитель руководителя

Роскосмоса.

– По всем расчетам шанс найти выживших составляет менее процента. Несмотря на международный статус космического пространства, миссию придется согласовывать с Британией и Соединенными Штатами – собственниками корабля и груза.

– Если Китай официально обратится...

– Ему откажут. – возразил ЦУП. – Триумф чужой техники на обломках собственной – удар по престижу, обвал акций, минус рейтингам политиков. И самое главное – не забывайте, что груз «Арго» – сто зарядов мощностью до мегатонны каждый!

Глава 6. Служба или долг

Почти штормовой ветер гнал рваные облака по вечернему вашингтонскому небу. В недрах Пентагона, глядя на них через окно кабинета, выходящего во внутренний двор, коротал часы генерал Честер Торнвальд. Заместитель начальника управления Корпуса связи США считал месяцы до заслуженной отставки. Он барахтался в океане армейского маразма две трети жизни и уже хотел сменить мир вечной суеты на пунцовое небо Арканзаса, где в безветрии сельской глуши можно спокойно встречать закат за чашечкой чая. Словно клочья багровеющих туч, мимо его понимания скользили обрывки информации, вызывая тревогу. Он отчаянно пытался понять, что именно его смущало, но не мог. На грани слышимости шумела вентиляция, спасая кабинет от уличной духоты.

В дверь позвонили. Торнвальд не ждал гостей, но внезапные визиты не были редкостью.

– Войдите, – сказал генерал и впустил гостя. Бригадный генерал Уильям Бреннер влетел в кабинет, как управляемый дрон, и, не дожидаясь разрешения, плюхнулся в гостевое кресло. На его суровом лице со следами бессонной ночи и крепкого алкоголя, распитого с сослуживцами по случаю очередного повышения, проступала легкая растерянность.

– Ну что, генерал, прихватил пару тупых армейских шуток, которые я еще не слышал?

Уильям отхлебнул остывший кофе из пошарпанной кружки с надписью «Вольно, солдат» и, развалившись в кресле, ожидал реакции.

Они знали друг друга с молодых ногтей – с тех пор, как судьба свела их на одном потоке. Годы добавили морщин, но не сделали их другими людьми.

– Так точно. Отгадай – кто тупее бригадного генерала? – ответил Уильям. Выдержав положенную паузу и дождавшись нетерпеливого «Ну?», добавил: – Конечно же, генерал-майор, руководящий им!

– Ну что, будущий генерал-майор, как тебе наш уютный бумажно-цифровой адок? Нашел путь в туалеты для комсостава?

– Так точно, сэр. Выяснил главное: лучший кофе на втором этаже, возле лифтов сектора С, в других местах – прогорклая ослиная моча. Изучил под подпись приказ о стандартизации унитазных крышек в частях ВВС.

Честер хмыкнул: по крайней мере, это не засланный китайцами роботизированный двойник.

– Окей, шутки в сторону. Как ты тут осваиваешься?

У них был одинаковый уровень допуска, так что говорить они могли открыто.

– Да, пойдет. Какая-то тут неразбериха у вас. – По привычке Уильям говорил «у вас», хотя речь шла уже о его новом месте службы. – Какие-то глюки SBIRS. Эти космические глаза тоже подвержены синдрому белых мух?

– В смысле? – Честер сощурился.

– Да байда какая-то – несколько сигналов о фантомных сигнатурах над Тихим океаном. Китайцы и русские ни при чем, я проверил. И главное: раз, другой, третий – все на пределе чувствительности. Как будто большие мухи в верхних слоях атмосферы...

– И?

– Да фиг пойми! – парировал Уильям. – Запросил отчет, а он чист, как попа младенца у помешавшейся на чистоте мамы. Ни намек. Даже сырые данные теперь «невинны». Может, у меня уже маразм и ложные воспоминания?

– Любопытненько, – пробормотал Честер. – Тихий океан большой. Китайцы не могли тестировать свои суборбитальные вундервафли? Или инопланетяне решили навестить Гавайи, но передумали? У меня тоже есть отчего репу почесать. Позавчера наши уши на Диего-Гарсия засекли передачу через ретрансляторы MUOS.

– MUOS? Seriously? – Уильям нахмурился. – MUOS – это флотская секретная тема. Что там могли передавать, что тебя заинтересовало?

– Не «что», а «кто». – Честер допил кофе. – Источник засекречен – даже мне система его не раскрыла. Аппаратура просто зафиксировала передачу. Запросил отчет – а ни хрена. Стерли из логов. Стереть такое могут меньше десятка человек во всех Вооруженных силах, а уж чтоб я не мог узнать даже адресата – кто там должен быть? Господь Бог?

– Знаешь, Честер? – перебил его Уильям, пока тот задумчиво глядел в пустую кружку с рассыпью прилипших кофейных крошек на дне. – Это еще не вся херомантия. Вспомнил кое-что. Тоже свежак. Недели две назад. Два «Глоубмастера», кажется, семьдесят шестой и восемьдесят первый. Вылетели с Норфолка, цель – Фэрфорд, Британия. Только вот... – Уильям сделал театральную паузу, – они не долетели до Европы. Сели куда-то на пару сотен километров севернее базы Туле.

– Туле? – Честер озадачился.

База Туле в Гренландии – место стратегическое, но ледяное и негостеприимное. Еще со времен конспирологических книг его молодости это название ассоциировалось с масонской ложей, в которой якобы состоял Гитлер. В общем, мистический ореол, но больше ничего.

– Там снег, тупые техники и пара грустных эскимосов...

– Именно! – воскликнул Уильям радостно. – Но сели они не туда, а где-то в бескрайних льдах. По тем координатам я не знаю ни авиабаз, ни посадочных площадок – только выведенный из эксплуатации радар и небольшую базу, сокращенную после Холодной войны, переданную в дата-центр ЦРУ. Но самое интересное: согласно официальному треку, наши птицы вообще не садились в этой снежной жопе мира. Они... – он сделал паузу, – просто кружили над центральной Гренландией несколько часов, вероятно, наблюдая за брачным периодом белых медведей. А потом полетели обратно на базу. Статус миссии был изменен с «В ПРОЦЕССЕ» на «ВЫПОЛНЕНО». И, в общем-то, все...

– Я много дерьма повидал, но это самое забористое. Если надо выжигать топливо и налетать часы, оригинальнее варианта я не припомню.

– Слово бригадного генерала армии США! Я тогда не пил. Три дня или даже четыре, – Уильям поднял руку, как на присяге. – Так и написано в итоге: «Учебнотренировочный полет по снабжению мирного населения в труднодоступных условиях с визуальным контактом». Ох уж эти мирные северные медведи. Видимо, там целый лагерь климатических беженцев, раз на них два «Глоубмастера» отрядили.

– Там нет белых медведей, Уильям. Они не заходят дальше пары километров от берега. И пингвинов там тоже нет, – сказал Честер.

Генералы посмотрели друг на друга через стол, заваленный бумагами и пустыми кружками. Оказалось, даже бывалых вояк можно удивить.

– Вся эта бюрократия и отчетность – одна сплошная, пропахшая несвежим дерьмом лажа, – подытожил Уильям.

– Но это все же интереснее, чем расследовать перерасход армейских сухпайков в какой-нибудь дыре, так ведь? – разрядил обстановку Честер.

– На что намекаешь, кабинетная ты вошь?

Они еще с минутку посмеялись, вспомнив, как кадет Бреннер когда-то попался на краже сухпайков для общего похода в Скалистые горы. Затем Уильям встал. Генералы пожали друг другу руки и пожелали хорошего вечера. Но мысли у обоих были не самые радостные.

* * *

Этот разговор вспомнился Честеру спустя пару недель, когда он смотрел выпуск новостей на настенном экране для селекторных совещаний.

– Тяжелая утрата постигла всю мировую космонавтику. Мир будет вечно помнить героев, мечтавших подарить человечеству немислимые богатства дальнего космоса, – вещал президент Соединенных Штатов. На экране в сотый раз показывали визуализацию гибели «Арго». – При изменении режима работы инновационного термоядерного газофазного двигателя произошел неконтролируемый скачок напряжения, отключивший магнитную защиту...

– Выключить! – скомандовал Честер цифровому помощнику. В его пентагоновском кабинете снова стало тихо. Рабочий день давным-давно закончился, но он все не шел домой. Откинувшись в кресле, Честер задумчиво сверлил дальнозорким взглядом настольный монитор. Казалось, он пытался загипнотизировать спектрограмму со спутника SBIRS двухдневной давности. Сектор гибели «Арго» находился на ночной стороне планеты: корабль удалялся от Солнца.

График показателей реактора даже на поминутной шкале завершался вертикальным «взбрыком». Торнвальд увеличил масштаб – шкала перешла на секунды. Увеличил еще раз, потом еще, пока весь видимый отрезок не ужался до одной секунды. Плавной дуги по-прежнему не было: вместо нее – вертикальное начало, острый пик и резкое затухание. Честер увеличил до микросекунд. Картина старта катастрофы не изменилась. По его спине пробежали мурашки: праздный интерес привел к шокирующему открытию.

Любая катастрофа реактора – хоть ядерного, хоть термоядерного – в пределах нескольких секунд будет развиваться плавно. По всему выходило, что взрыв произошел за миллионную долю секунды. Нет ни одного естественного процесса с такой картиной.

– Джо, – обратился Честер к ИИ-ассистенту, – выведи на экран график взрыва ядерного заряда мощностью в десять килотонн в первую микросекунду и сопоставь его с катастрофой «Арго» в том же масштабе.

Ассистент повиновался. Графики идеально совпали: словно игла, выходящая из оси абсцисс, смотрела вверх, после чего сменялась кривой затухания.

– Совпадение 98,2%, сэр! – раздался голос ИИ-служивого.

– Рассчитай вероятность, что наблюдаемое событие – подрыв SADM указанной мощности, по сравнению с другими вариантами.

– Вероятность 99,93%! Статистически достоверно.

Генерал привстал и наклонился к экрану, с ужасом вглядываясь в график. На запястье завибрировал датчик пульса и давления. Среди зарядов «Арго» был один ровно такой мощности.

Он открыл официальный отчет NASA о катастрофе, подготовленный для президента. Заключение было кратким: разрыв контура модуля «Гефест». Рост энерговыделения – за восемь десятых секунды до разрушения внешней оболочки с последующим тепловым взрывом неядерной природы.

Это была ложь, наглая и циничная. Все произошло за миллионную долю секунды – именно за столько ядерное «солнце» сожжет корабль размером с «Арго». Единственной странностью оставалось отсутствие вторичных детонаций. Впрочем, реактор «стрекозы» был почти в трехстах метрах от хранилища боеголовок, а без боевого режима даже разрушение оболочек бомб не гарантивало цепной реакции.

– Джо, удали некорректный вывод без отчета об ошибке, – приказал Честер.

Ужасная мысль о всемогуществе тех, кто столь дерзко подменил информацию, привела его к решению утаить от системы собственное открытие. Джо послушно удалил вывод, не задавая ненужных вопросов.

– Уильям, ты свалил? – вызвал он товарища по кабинетным баталиям. – Захвати мне булочку и виски, если у тебя есть, черт побери!

Прошла пара минут, и дверь распахнулась без стука: Уильям Бреннер явился собственной персоной с чашкой кофе и портфелем.

– Я обещал жене, что ни капли на этой неделе, дружище. Так что виноват, сэр. Что стряслось – ты просрал в онлайн-казино получку за месяц?

– Катастрофа «Арго»... – начал Честер, но осекся. Догадка была слишком радикальной и сумасшедшей даже для товарища; истину лучше приоткрывать постепенно. – Какие-то дебилы испортили отчет о катастрофе «Арго».

– И из-за этой херни я недосмотрел матч Бостон Ред Сокс – Детройт Тайгерс? – сдвинул брови Уильям. – Ты точно пропердел в кресло все оставшиеся мозги.

– погоди, я не знаю, с чего начать. Коротко: отчет фуфло, а взрыв – ядерная диверсия.

– Прочел очередной пост на Infowars?

– Ну-ка дай понюхать твой кофе. – Честер нарочито громко втянул воздух носом. – Опять портера налил, колись, меня не проведешь! И кто ты после этого?

– У меня и для тебя есть, – Уильям достал из портфеля полулитровку темного и налил другу в кружку. – Вот, теперь рассказывай подробнее.

Честер, подавляя волнение, показал графики. Уильям скрипел мозгами недолго: сопоставить бомбу на борту со взрывом той же мощности было несложно. Когда до него дошло, он грязно выругался.

– Тогда тебе в ту же лавочку вот эта информация. Помнишь наши сигнатуры в Тихом океане и твои непонятные шифровки на Диего-Гарсия? Вот, полюбуйся на это!

Он достал ноутбук, включил и запустил видео. Под фигурными облаками в лучах солнца шипело и искрилось бескрайнее, до горизонта, море. Его чернота скрывала огромную глубину – возможно, километры до дна. На горизонте отчетливо виднелась стартовая платформа с готовой к запуску ракетой. Уильям перемотал файл на несколько минут вперед. Раскаленная струя резанула по поверхности платформы, после чего пузатый носитель уверенно взял курс ввысь!

– Ни хрена себе! – Честер отхлебнул из кружки горького напитка. – Это когда было?

– В 14:30 местного времени, примерно в семистах милях южнее острова Пасхи. Я ради интереса сверился с событиями того же часа. Оказалось, его сняли минута в минуту с последним стартом миссии «Арго» во Флориде. У спутников SBIRS за минуту до события начались глюки «по причине аномальных показателей солнечной активности» и закончились спустя полчаса.

– Откуда этот файл? – У Торнвальда закружилась голова: неужели пиво из кофейной кружки настолько ядреное?

– Файл передан через «Старлинк». Долго рассказывать, как он оказался у меня. Один флотский продал мне пари... Просто смотри дальше. Это съемки с яхты.

С момента старта носителя не прошло и двух минут. Дымный шлейф ракеты еще висел на видео вертикальным облаком, а платформа уже заметно проседала. Вскоре она почти полностью ушла под воду, слившись с горизонтом.

Однако узнать, погрузилась платформа или нет, было не суждено. Справа на экране появилась темно-синяя точка, в которой угадывался подпрыгивающий на скорости катер. Спустя еще несколько секунд перед камерой мелькнула тень. В следующий миг раскрылась ячеистая сеть и опутала вместе с камерой суденышко, оказавшееся нечаянным наблюдателем. Полминуты спустя стремительный патрульный катер неизвестной принадлежности стал нарезать вокруг жертвы круги, словно акула. Металлический голос проревел серию команд: «Чтобы сохранить жизнь, немедленно отключите все каналы связи! Не подавайте сигнала SOS! Ваш сигнал будет немедленно заглушен, а корабль-нарушитель уничтожен! Приказываем...» Здесь запись оборвалась.

– Вот и все! Финита ля комедия, – сказал Уильям, пока Честер одурело моргал, как кот, упустивший добычу.

– Я правильно понял – дублирующий старт в ничейных водах, где не ходят корабли? – с трудом сформулировал он.

Вспомнилась сцена из фильма «Побег из Шоушенка». Ночь. Главный герой осуществляет тщательно спланированный побег. Преодолев тоннель, он оказывается перед трубой, которую невозможно пробить без губительного шума. И тут – внезапно ли? – разверзается гроза. Он бьет по трубе камнем точно в такт раскатам грома. Буйство стихии полностью заглушает шум, и герой незаметно пробивает дорогу к долгожданной свободе.

К чьей свободе вел таинственный запуск, еще предстояло выяснить.

Когда пиво кончилось, оба генерала сошлись в одном: мир совершенно сошел с ума, а их задача – не последовать его примеру. Уильям ушел домой и завалился спать, а Честер продолжал сидеть у экрана, делая все новые открытия. С последним дублем ракетного старта точно совпало возмущение, засеченное спутниками и позже стертые из записей. Сверив свои пометки по времени,

Честер убедился: совпадение не было случайным. Как минимум второй удаленный «фантомный» шум также идеально совпал с другим, предшествовавшим стартом «Арго».

Перед Честером вставал серьезный выбор. Забыть все или влезть в самое страшное расследование в жизни, которое могло привести не к пенсионерским будням на ранчо, а в холодную сырость могилы. С учетом того, как спокойно убийцы «Арго» и хозяева теневой космической программы редактировали доклады и удаляли улики, могила выглядела куда вероятнее ранчо. Одному дьяволу известно, что у них в планах дальше. Развязать войну под чужим флагом? Убить президента?

Чем дольше Честер решал, тем больше ему хотелось обратно в войска.

Глава 7. Пришел ее черед

Атмосфера лаборатории успокаивала. Тихонько лилась аудиолента новостей, анонсов, рекламы. Воздух благоухал свежестью – работали установки фильтрации и климатконтроля, поддерживая неизменную стерильную прохладу. Анна Семенова тестировала собственный прототип вакцины от «Хтоноса» и тут же анализировала чудесную панацею от «Глобал Биофарм», пытаясь вникнуть глубже, чем раньше.

Анна, в белом халате поверх строгой деловой блузки, водила пальцами в перчатках по панели управления, корректируя питательную среду. Густые темнокаштановые волосы выбились из-под медицинской шапочки. Вирусные культуры «Хтоноса» благодарили за комфортные условия ускоренным ростом.

Очередное информационное сообщение, шедшее фоном, внезапно привлекло внимание Анны, и она сосредоточилась на голосе диктора:

– Трагическая новость пришла из Северной столицы. Сегодня утром в своем автомобиле был найден мертвым известный журналист Владимир Морозов. Предварительный осмотр места происшествия не выявил следов покушения. Морозов известен резонансными расследованиями на темы коррупции и заказных убийств. Последнее сообщение на его официальной странице обещало новые подробности о связях чиновников Еврокомиссии с «Глобал Биофарм». Как сообщил официальный источник в СК, «Следственный комитет расследует данный инцидент в тесном контакте с Федеральной Службой Контрразведки на предмет участия враждебных иностранных сил».

Анна привстала. Мурашки побежали у нее по спине, взгляд темно-карих глаз затуманился. Морозов брал у нее интервью всего пару недель назад – казалось, будто это было вчера!

День был погожим не по сезону. Косые лучи сентябрьского солнца врываются в студию через щели в шторах, подсвечивая размеренный танец пылинок в воздухе. Строгая мебель, старинные бумажные книги на полках, два кресла напротив друг друга. Владимир был совсем не таким репортером, какими их обычно представляют. Это действительно был человек, которого объект расследования захватывал всецело. В погоне за тайной его не останавливали ни увещевания, ни даже банальное чувство самосохранения.

«Анна Александровна, спасибо, что нашли время. Расскажите, что думаете о „Хтоносе“... Что скажете про странности в разработках „Глобал Биофарм“?» – все было по делу, без пафоса и наигранных откровений. Выводы последнего расследования так и останутся тайной.

«Спасибо, Анна. Вы делаете невероятно важное дело, я желаю вам добраться до сути». Сказанные тогда с искренней улыбкой слова словно бы вновь прозвучали рядом с ней.

Тягостные мысли прервал неожиданный и настойчивый звонок. Кирилл Волков.

– Аня, ты слышала? – начал он без прелюдий. – Морозов умер!

– Да, вот только что. Ужасно.

– Умер накануне обнародования результатов своего расследования. Причем, как думаешь, какого?

– Слышала что-то про Евросоюз и миллиарды.

– А о смерти сегодня утром Дюка Мертенса в Бельгии слышала? Профессора и вирусолога, устроившего скандал на последней пресс-конференции «Глобал Биофарм»?

– Помню. Постой, он же был такой живчик, ни тени болезни...

– Найден в лаборатории в Левене. Смерть без свидетелей.

– Две смерти в один день? – Анна вздрогнула, словно от чужого пристального взгляда.

Мертенс критиковал подход «Глобал Биофарм» к оценке рисков и исследованиям на добровольцах.

– Три! В Мексике час назад умер от аллергической реакции на укус шершня руководитель оппозиционной фракции, поставивший вопрос о приостановке программы ViraShield до предоставления расширенных данных и введения независимого контроля.

Казалось, воздух в лаборатории электризовался все сильнее. Пол уходил из-под ног Анны. Три смерти, напрямую связанные с одним вопросом, за сутки. Или их больше – кто знает?

– Кирилл, попроси свой Нейронит поискать странные смерти по всем странам, на всех языках, прямо сейчас!

– Секунду. Перезвоню!

Мгновения тянулись как прошлогодний мед на ложке. Спустя, казалось бы, целую вечность Кирилл позвонил снова.

– Еще двое точно есть – вирусолог из Калькутты и эпидемиолог из Найроби. Остальное – под вопросом. Пять смертей... Так, ты сейчас в лаборатории? Я еду к тебе. Никуда не уходи, закрой лабораторию, сядь так, чтобы видеть все вокруг.

Анна осмотрела помещение новым взглядом, точно была здесь впервые. Поздно вечером на этаже уже никого не было – двадцать минут назад ушел последний лаборант. Полное одиночество – только она и вирусная культура «Хтоноса» в изолированных пробирках. Анна тихонько проверила входную дверь и перевела ее в режим охраны. Замки сработали исправно, бодро пикнув и помигав лампочками. Теперь войти извне могли только доверенные лица из ограниченного списка, согласованного с охраной, и то – со звуковым сопровождением.

Но Анне показалось этого мало. На всякий случай она подперла дверь рукояткой швабры, вернулась к столу и проверила камеры, изображение с которых было доступно руководству. На камерах все было по-прежнему: коридоры, столы, ряды оборудования, пробирки и прозрачные шкафы.

Анна понемногу успокаивалась. Тишина и привычная обстановка лаборатории брали свое – это место было ее домом в большей степени, нежели квартира. Она внимательнее посмотрела на монитор. Очередная партия вирусных культур показывала рекордный рост и почти была готова сойтись с культурой клеток, содержавшей векторную вакцину.

Увидев статичную картинку, Анна уже решила переключиться обратно на работу, когда подсознание выдало легкое ощущение: «не все в порядке». Переводя взгляд с изображения на изображение, она пыталась найти шевеления – безрезультатно! Но... что ж такое? Что-то было не на своем месте.

Точно! Лампа в ведущем в лабораторию коридоре мигала с позавчерашнего дня – несколько секунд, две вспышки, несколько секунд, две вспышки. Ее обещали поменять сегодня днем, но не успели, а в нерабочее время никакая сила кроме пожара не могла заставить дежурного по зданию что-либо предпринять. Однако сейчас коридор был залит идеально ровным светом!

Сердце заколотилось сильнее, отдаваясь шумом в висках. Три камеры были поворотными – ими можно было управлять прямо с компьютера. Анна нажала «поворот» – ничего не произошло! Либо камера не отреагировала, либо, что вероятнее, застыло изображение.

В бархатной тишине раздался верификационный писк пропускной системы у двери. Никакое начальство не явилось бы с проверкой среди ночи, а Кирилла ей пришлось бы пропустить сначала на проходной, потом на этаже. Иных разумных объяснений не было – пришли за ней. Кирилл не успел! Быстро набрав сообщение: «Они уже здесь!», Анна тихонько попятилась, ища опору позади себя на столе.

Дверь в лабораторию щелкнула, отворилась на толщину запястья и уперлась в швабру. Затем вернулась в прежнее положение. Снова писк пропускной системы, еще одна попытка – теперь решительнее. Затем несколько резких толчков: рукоятка гнулась, поскрипывала, но держалась.

И снова тишина. Анна вжалась в кресло, с ужасом ожидая продолжения. Его не было. Она не заметила, когда звуки за дверью стихли окончательно, и не смогла бы сказать, сколько просидела так, прежде чем раздался телефонный звонок.

– Аня, я внизу, открывай! Аня? Кирилл заметно запыхался.

– Рядом с тобой нет никого? – Анна, не отрываясь, смотрела на камеры, которые вновь работали нормально: лампочка в коридоре помигивала, а повернутая ее командой камера смотрела куда-то в стену.

– Нет, только дремлющая вахта.

Анна подтвердила допуск и спустя минуту аккуратно убрала швабру, увидев Кирилла в видеофоне.

– Ну, что произошло?

Анна сбивчиво пересказала все произошедшее, пока Кирилл деловито блокировал дверь, зашторивал окна, проверял вентиляционные отверстия. Ее успокаивала эта кипучая деятельность, в которой не оставалось времени для паники и страха.

– Тут сидеть явно не дело. Это уже точно не случайность. С тобой попытались разобратся мягко и тихо. Вторая попытка будет более решительной.

– Когда? – Анна понимала наивность вопроса, но все же уповала на мужской взгляд в этом деле.

– Может, через час, может, завтра. В любом случае – каждая минута на счету!

Крупные слезы потекли из растерянных глаз Анны.

– И... что делать? Если это сила, способная убивать по всему миру, то куда мне спрятаться?

– Дай подумать. В квартиру тебе сейчас нельзя – там ты будешь наиболее уязвимой. В лаборатории тоже не выйдет сидеть в осаде. Как видим, у них все доступны и коды. Есть одна идея.

– Чего им от меня надо? Я же вообще не нашла ничего, что могло бы их скомпрометировать. Только ничем не подкрепленные подозрения! В чем их мотив?

– Варианта всего два, – заключил Кирилл. – Первый: кто-то хочет опорочить честную репутацию «Глобал Биофарм».

– А второй?

– Или там сокрыто такое, что одной угрозы обнаружения достаточно, чтобы они без колебаний были готовы убить сотни человек. Но, мать его, что?

– Давай я пока останусь здесь, а потом что-нибудь придумаем.

– Подожди. Есть место, где шансы пересидеть максимальны. Вряд ли эти ожидают, что ты туда поедешь, да и там в целом безопаснее.

– Я не хочу бросать свою работу! – Анна стояла в нерешительности, вытирая слезы салфеткой.

– Тебе придется выбирать: либо гарантированная «естественная смерть» в ближайшие дни, либо, раз уж так вышло, борьба за жизнь и правду. Бери то, что не боишься разбить или потерять, но лучше полагай, что шанса вернуться сюда не будет.

Анна раздумывала с минуту, затем молча начала собирать самое важное в большую сумку, которую давно держала здесь на случай ночевки в лаборатории. Сборы не заняли много времени. Она взяла все, что можно было унести, не теряя мобильности: несколько внешних дисков, некоторые культуры вакцины и вирусов в сумкете-термоконтейнере.

– Жаль, нельзя утащить морозильник, – вздохнула Анна, кивая на «Криокуб».

– Некогда жалеть. В любом случае бдительная охрана внизу точно не позволит вынести что-либо еще без кучи бумажек.

Анна окинула лабораторию прощальным взглядом. Кирилл дал ей перцовый баллончик, а сам взял в свободную руку шокер, купленный на случай агрессии или побега подопытных

шимпанзе. Взглянув напоследок на камеры, не показывавшие аномалий, Кирилл открыл дверь, держа наготове свое сомнительное средство защиты.

В коридоре было светло и тихо – ни души.

– Давай по лестнице, – на всякий случай сказал он. Когда Анна попросила пропустить их без бумаг, охранник нахмурил суровые брови, недоверчиво оглядел обоих. Пришлось потратить пару минут на вынужденный разговор – с каждой секундой страх привлечь внимание нарастал. Бдительный страж здания, похоже, почуял волнение и выискивал подвох. В итоге, преодолевая врожденную дипломатичность, Анне пришлось затеять скандал и пригрозить жалобой его руководству. Сработало: люди такого склада пользуются положением лишь при отсутствии должного отпора, а получив – делают удивленное лицо, мол: «нормально же общались, чего вы тут орете».

Московская ночь встретила их едва уловимым запахом прелой листвы и легкими порывами липкого ветра.

– Туда! – Кирилл указал на неприметный японский кроссовер у края парковки.

Десятилетняя «Тойота» приветственно пикнула сигнализацией и щелкнула дверьми. Едва Анна уселась на пассажирское сиденье, Кирилл начал выезжать.

– Выключи телефон на всякий случай! А лучше выкинь его сейчас же...

Анна поборолла желание оставить опасную вещь и, открыв окно, бросила ее на асфальт. Автомобиль мчался с максимальной скоростью, змейкой обгоняя машины, державшие дистанцию в несколько корпусов. Проспект Маршала Жукова, МКАД, Минское шоссе.

Капельки дождя и грязь от обгоняемых машин размазывались по стеклу при каждом взмахе дворников. Вид впереди оставался нечетким, по краям ползли мутносерые дорожки.

– Куда мы едем? – Анна снова начала тревожиться, глядя на Кирилла, разговаривающего по телефону.

– Дядя Олег, извини, что так поздно перезваниваю... Да, пропуск на Семенову Анну Александровну. Да, будем через пятнадцать минут. Спасибо! – Он спрятал мобильник в карман и повернулся к Анне. – К моему дяде – Олегу Борисовичу, генерал-лейтенанту.

Генеральская дача представляла собой охраняемый объект внутри другого охраняемого периметра – за пятиметровой стеной с видеонаблюдением, и все это находилось внутри закрытого города Краснознаменска. Двухэтажный домик генерала, вдобавок к круглосуточной охране садового кооператива, дополнительно охранялся двумя часовыми.

– Кирилл, так вот она, твоя девушка? – Олег Борисович железной рукой пожал руку племянника. Внушительный седой мужчина с широким лицом и буравящим взглядом светлых глаз из-под массивных бровей оглядел Анну. – Что ж, вкус у тебя явно имеется. Заходите, милости прошу.

Анна, не ожидая такого поворота событий, зарделась, но промолчала. Было что-то в голосе товарища генерала, делавшее спор бесплодным и неуместным. С немим укором глянув на Кирилла, она разулась и нарочно сильно стиснула его запястье, выбрав в качестве точки опоры. Кирилл стоически стерпел.

– Анна – восходящая звезда российской вирусологии, дядя Олег. Давай я расскажу тебе все за чашечкой чая, а дальше уже решим, что да как.

– Наталья, встречай гостей, – обратился генерал к жене.

Наталья Ивановна вышла следом. Моложавая полноватая женщина, совершенная противоположность генералу: невысокая, улыбающаяся, со светлыми волосами и темно-кариими глазами в обрамлении паутинки морщин.

Она вынесла четыре чашки из фарфорового сервиза и поставила их на стол, накрытый белой кружевной скатертью. Разливая ароматный чай, Наталья Ивановна продолжала лучезарно улыбаться гостям.

– В общем, я прошу, пока вот это вот оставить в строгой тайне, – закончил Кирилл свой рассказ, допивая чай.

– Да, вижу, что дело дрянь, – задумчиво барабаня по столу, заключил генерал. – Ты бы по пустякам ко мне не обратился. Тебе, молодая леди, – повернулся он к Анне, которая наконец пришла в себя, – точно не стоит ездить куда попало. Я дам бойцов, если надо – помогут перетаскать твои холодильники.

Глава 8. Тени в зените

Жара была непривычно сильной даже для Тель-Авива. Воздух над бульваром Ротшильда плясал, смешивая запахи моря и выхлопных газов; предметы чуть заметно колыхались в мерцании восходящих потоков, точно над большим костром. На неприметном здании висела табличка «Средиземноморский инвестиционный фонд».

В прохладном и аскетичном кабинете на его верхнем этаже сидел Яков Леви. В командировках человек представлялся как «Главный аналитик по финансовым рынкам», и охотно раздавал соответствующие визитки. В реальности он был руководителем департамента НАКА израильской разведки, вышедшим в отставку с военной службы в звании «алуф мишне».(1)

Яков сдавливал пальцами переносицу, пытаясь побороть тупую ноющую боль в районе бровей. Подтянутый и моложавый для своих «чуть-чуть за пятьдесят пять», с цепким, суровым взором черных глаз сынов Израилевых, он отслеживал добычу на пространствах цифрового мира. Несмотря на короткую военную стрижку, его черные почти без проседи волосы слегка закручивались, ведомые памятью поколений.

На столе перед ним лежали аккуратно разложенные распечатки со сведениями о событиях и людях. Главным звеном этого информационного ансамбля был большой планшет, визуализировавший запрашиваемые комбинации посредством «древа связей». Черные дыры офшоров Каймановых островов, подставные счета на Багамах, компании-отмывайки в Панаме и других «почти свободных» юрисдикциях были оплетены, словно нейроны мозга, густой сетью ветвистых связей различной толщины.

На экране загорелся крошечный восклицательный знак – ожил один из давно мёртвых кошельков. Яков перестал сдавливать пальцами переносицу и наклонился к планшету. Кошелек не использовался с двадцатых годов. Теперь он принял перевод, за несколько секунд разбил его на сотни частей и раскидал по незнакомым адресам.

Через полторы минуты ожил второй, спавший восемнадцать лет. Потом третий, четвертый. Экран усеивали восклицательные знаки – он заранее установил критерии их появления.

Программа «Маген», или «Щит», не просто визуализировала потоки данных. При точно поставленной задаче и достаточной полноте информации она могла найти даже не иголку, а след от иголки в стоге сена. Никакая разведка не была всезнающей даже в эпоху искусственного интеллекта. Израильская старалась знать то, незнание чего могло дорого обойтись.

На планшете светилось «дерево связей». Компании, счета, кошельки и частные лица соединялись линиями разной толщины. За некоторыми узлами стояли известные корпорации, за другими – фирмы-прокладки в Панаме, на Багамах и Каймановых островах. Часть связей обрывалась в сумраке офшоров, однако «Маген» умел продолжать их по косвенным признакам: времени операций, повторяющимся суммам, маршрутам и поведенческим шаблонам.

Можно было ткнуть в любой участок, увеличить выбранную точку, и система высветила данные: компания, сумма переводов, основные контрагенты, собственники, дерево формальных и неформальных связей и многое другое.

Наметанный взгляд Якова, привыкшего сравнивать пропорции и коэффициенты с ему одному ведомой нормой, зацепился за незначительные аномалии. Иные упустили бы их из виду, сочли бы обычным информационным шумом, но ему так не показалось.

Яков коснулся одного из узлов и запустил Anti-mixing и Anti-slicing – алгоритмы, официально не существовавшие. После появления квантового взлома абсолютная анонимность криптовалют осталась преимущественно рекламным обещанием. Имена владельцев по-прежнему удавалось скрывать, но привычки выдавали их чаще подписей.

Экран на мгновение потемнел. Исчезли миллионы случайных транзакций, распались ложные маршруты. Из информационного шума проступили несколько контуров.

Леви поднял старые записи. «Маген» долгое время фиксировал всплеск пробуждений «спящих» кошельков, не использовавшихся годами. Особенно много таких пробуждений пришлось на последние полтора года. Некоторые аккаунты спали аж с 2020-х годов, что было почти непостижимо. Отчеты ушли руководству; там, подумав, велели наблюдать за армией оживших криптозомби.

Леви нажал кнопку вызова заместителя. Точнее, заместительницы.

– Яаков, опять ты меня отвлекаешь от ноготочков?! – отозвался в селекторе женский голос с нотками напускного недовольства.

– Не опять, а снова. Тут задачка намечается такая, я даже не знаю, как подступиться. Как говорится, одна голова хорошо, а полторы лучше. Вопрос тут посложнее, чем взлом умных туалетов иранцами.

– Опять я не успею купить новые духи до Шаббата? Тогда будешь еще неделю вдыхать «Пупок Богини», от которого у тебя щекочет в носу.

Селектор щелкнул и умолк.

С помощницей ему здорово повезло. Большинство сослуживиц, на его взгляд, относилось к категории «теток»: исполнительных, нерасторопных и ограниченных. Но не Яэль – стройная, как рядовая срочной службы, и острая на язык, как Фаина Раневская. Двадцать пять лет, прошедшие с совершеннолетия, казалось, почти не отразились на ее существе. Все такая же бойкая и легкая на подъем, немного следящая за модой; возраст выдавали лишь легкие намеки на морщинки в уголках миндалевидных глаз, проявлявшиеся при широкой улыбке.

Предвкушая ее появление, Леви допивал чай, шурясь на симфонию пляшущих циферок. Дверь отворилась без стука.

– Яэль, моя горная козочка, как ты могла такое подумать? – Возмутился он. – Если бы я хотел испортить тебе пятницу, то отправил бы вертеть попой среди дубайских принцев-пузо-чесов. Наоборот, хочу проконсультироваться. Скажешь прямо, паранойя ли это.

– Я тебе говорила, что наш штатный психотерапевт Моше еще не слез с антидепрессантов после общения со мной? Побуду за него ради тебя!

– Вот, подойди. Хор спящих кошельков проснулся, потянулся, зевнул и потяжелел на десять миллиардов долларов за две недели. – Яаков ткнул пальцем в монитор, где подсвечивалась одна из паутинок. – А потом, не прожевав, отправил их дальше и еще дальше... Вот эти денежки шли откуда-то из Евросоюза, растворились в Латинской Америке и опять вернулись в Евросоюз. А эти – их еще больше – посетили Штаты и покрутились там...

– Ты хочешь сказать, что кто-то в Европе пилит деньги еще более искусно, нежели наши министры?

– Таких финансовых контуров я насчитал больше десятка. Обороты, по моим прикидкам, огромные. За три года набежало за триллион долларов. Их размазали еще искуснее, чем одесский ресторатор смешивал мясо в пропорции один рябчик – один конь.

– Ой-ц! Действительно, не похоже на распродажу духов. – Яэль нагнулась; ее округлое бедро, обтянутое юбкой чуть выше колена, уперлось в рукав Яакова.

– Вот этот кошелек предыдущий раз шевелился, когда твой бывший муж еще подсматривал за сослуживицами на курсе молодого бойца!

– Ты позвал меня обсудить ошибки молодости или таки по делу? – вспыхнула Яэль. – У тебя есть выводы?

– Выводы есть. До четверти средств стекалось в активы, аффилированные с сетью компаний «Глобал Биофарм». Еще больше трети в итоге переползло через венчурные стартапы в два космических проекта – не в основные компании, а через «дочки-цепочки». Еще треть растворилась без следа, точно как твой первый муж.

– А дальше что? – Увлеченная, Яэль даже не заметила подколки.

– А дальше – оргазм без фальши! Отчет уже месяц как на столе у начальства. И снова молчание. Я пытался уточнить через замминистра – ты его помнишь, он был у нас на вечере полтора года назад, троюродный брат моей покойной жены. Сначала он пообещал разобраться, а потом стал игнорировать.

– Ты же знаешь, в этом весь Израиль. Если на датчик на Заборе безопасности в Иудее и Самарии срет голубь и замыкает контакты, то это ЧС и по тревоге поднимаются группы реагирования. Если сто боевиков ломится на бульдозере, это остается незамеченным несколько часов. Прозевать, а потом лезть из кожи вон, чтобы героически решить проблему, когда уже почти поздно.

– Одного не пойму. Обе компании – серьезнейшие организации. Для чего им играть в эту конспирологию? У них и так обороты ого-го.

– Может, не хватает? Организовали краудфандинг среди инди-программистов? – Яэль взяла печенку со стола начальника и раскусила пополам.

– Теневой оборот по «Биофарм» – половина от «белого». А вот по космическим делам... – Яков забарабанил пальцами по столу. – По космическим в тени спрятано в три раза больше официального бюджета!

– Все ясно, они строят Звезду Смерти! – Яэль заговорщически подмигнула, глядя начальнику в глаза.

– Черт возьми, Яэль, ты можешь перестать шутить? Наверное, умирая, спросишь, почему в прихожей свет не погасили. В иудаизме нет звезды-предвестника конца света! Долбанулся мир или я, третьего не дано. И надо выяснить, кто именно!

– У нас ведь ограничения по сбору информации о Штатах. Тебе просто не согласуют работу на это направление. Но ты говорил, что у тебя в России есть какой-то родственник, – как бы между делом прибавила Яэль.

Она была права. Теперь надо было найти возможность и рискнуть. Рисковать предстояло как никогда сильно, но дело того определенно стоило. В любом случае это будет самое увлекательное приключение в его и без того переполненной ими жизни.

Острозыкая Яэль давно ушла домой, а Яков Леви задумчиво изучал очередные данные о трагически погибшем проекте «Арго».

Вечерние посиделки в канун Шаббата не входили в его планы, но обстоятельства требовали задержаться. На столе лежали биографии более дюжины людей – специалистов по биотехнологиям, фармацевтике и вирусологии, журналистов и политических деятелей, поднимавших вопросы в этой области. К списку прибавились несколько вроде бы естественных смертей инженеров и конструкторов проекта «Арго», неизвестных широкой публике, но весьма важных для миссии.

Фотографии мужчин и женщин – в халатах и костюмах, у испытательных стендов и на фоне логотипов агентств – составили целую подборку. Все они были живы еще десять дней назад, но мистическим образом нити их судеб обрывались одна за другой. Падение автомобиля с обрыва. Обширный инфаркт в собственном кабинете без свидетелей. Отравление угарным газом. Пара самоубийств с поэтичными записками про «личные мотивы».

Синхронность теневого финансирования проектов «Глобал Биофарм» и космической экспедиции «Арго» давно привела Леви к выводу: два параллельных процесса не могли идти изолированно. Гибель экспедиции и странные смерти стали точкой невозврата. На столе лежал внутренний черновой отчет «Подразделения 8200» о катастрофе «Арго». Яков получил его в благодарность от одного из коллег-руководителей, прояснив тому схемы финансирования группировок иракских шиитов.

Перед чтением черновика Яков запросил по системе официальный отчет и за последнюю неделю хорошо его изучил. Подпись замминистра обороны, куча цифр и графиков. Ничего подозрительного – гибель «Арго» выглядела естественной. Забавно смотрелся пассаж о мерах

по недопущению попадания ядерных зарядов в руки террористов. США обещали поддерживать информационный обмен с Израилем и даже собирались выделить одно место в будущей миссии по поиску останков.

Черновик оказался куда интереснее. Странности начинались уже с порога: сигнал с «Арго» прервался через две десятых секунды после расчетного момента уничтожения корабля. Часть трафика непосредственно перед катастрофой шла по отдельному зашифрованному каналу – автор доклада просто констатировал это, не делая предположений.

Пришло время выбирать: или слепое исполнение формальностей, или верность духу и сути данных клятв.

Яков был живым воплощением принципа «знай врага лучше, чем себя самого». На фоне крушения прежнего мира его отец проникся идеей сионизма – общего еврейского дома среди череды потрясений девяностых. Одна идеология заменила в голове бывшего советского человека другую, дав надежду на новое будущее в новом месте.

Его семья, и он в том числе, долгое время сохраняли родственные и даже дружеские связи в странах бывшего СССР. Яков по-прежнему говорил по-русски без акцента. Пережив череду потрясений, семья привезла с собой понимание хрупкости порядка вещей и вырастила его в Яше-Якове. Юному репатрианту это очень помогло адаптироваться. «Дьявол кроется не в деталях, а в их незнании», – не уставал повторять он своим подчиненным в эпоху, когда, казалось, последние экзистенциальные угрозы Израилю канули в Лету.

Вспомнив слова Яэль, Яков достал из шкафа старый фотоальбом. Часть личных вещей он держал на работе – потому что последние годы только на работе жил по-настоящему. Пожелтевшая фотография. Подмосковье, 1997 год. Два пацана – Олег и Яша – играют в грязноватом песке на берегу водохранилища. Их отцы – коллеги инженеры – пьют холодное разливное пиво. Всего через пару месяцев их пути радикально разойдутся. Правда, оба выберут военную карьеру, а Олег так вообще выбьется далеко.

Пока позволяла ситуация, они поддерживали контакт: беседовали на общие темы и советовались, хотя последнюю дюжину лет о встречах не могло быть и речи. Пришла пора поболтать о делах. Пятничное солнце уже закатилось, но повод был достаточно важен...

Примечания

1. Соответствует званию полковника в ВС РФ.

Глава 9. Преследуемая

На даче генерала в Краснознаменске городская суэта Москвы казалась полузабытым эхом далеких эпох. Кирилл ловил себя на мысли, что прежде часто жалел о нехватке драматизма в своей скучной жизни. И вот судьба, точно услышав переданное Нейронитом эхо его пожеланий, пошла навстречу.

– Твоя Аня времени не теряла – притащила кучу оборудования, включая большой холодильник, – заговорил было генерал, когда звонок от незнакомого абонента в одном из широко известных в узких кругах мессенджеров застал Олега Борисовича врасплох.

– Слушаю! Кто? Яша, ты, что ли? Какими судьбами, почему опять с незнакомого номера? Ну-ка, как звали тетку со второго подъезда, которая тебя за уши таскала, когда ты к нам в гости в девяносто девятом приезжал?

Услышав нужный ответ, он просветлел.

– Что говоришь, мировой заговор? И ты туда же? Ты же должен их плести, а не раскрывать!

Под вопросительными взглядами гостей генерал вышел из комнаты и удалился в собственный кабинет. Прошло не меньше получаса. За это время Кирилл и Анна расправились с едой. После разговора хозяин вернулся удрученным и озадаченным.

– Вы оба пока поживете у меня. Все еще более хреново, чем я предполагал. А мне надо кое-что обдумать. Не мешкайте, располагайтесь.

Когда все улеглись, генерал Воронцов еще долго обдумывал сказанное. Он тоже колебался между долгом и совестью, формой и содержанием, видимостью и сутью.

* * *

Кирилл использовал свой Нейронит для удаленной связи с лабораторией. Его подопечные шимпанзе чувствовали себя хорошо, и это было единственным, что шло по-прежнему. Камин в комнате на втором этаже потрескивал, пока небольшие язычки огня доедали последние дрова. Сознание Кирилла, усиленное имплантом, пронизывало чувство тревоги – ощущение надвигающейся беды, настолько огромной, что не хватит никаких слов описать ее масштаб. Это не был девятый вал или волна-убийца. Это было колоссальное цунами от планетарной катастрофы, несущее убийственную мощь в толще вод, чтобы обрушить накопленную энергию стеной воды километровой высоты.

С этим ощущением и мыслью закрыть задвижку, как только догорят последние угольки, Кирилл и провалился в сон, который не принес избавления.

...Осенний московский ветер трепал знамена со старинными золочеными двуглавыми орлами, донося вместе с сыростью едва уловимый запах гари далеких пожарищ и тлена человеческого разложения. Воздух новой Руси, очищаемой огнем и мечом. Охотный Ряд, Тверскую и Арбат украсили острыми, как ножи, узорами с цитатами и изречениями, знаменовавшими возвращение к истокам.

На смену прежним красочным витринам пришла колыхающаяся потрепанная, плотная, тяжелая ткань, местами разрисованная лозунгами и надписями. Разбитые окна были наспех заколочены досками и залеплены брезентом, обгоревшие машины и техника оттащены с проезжей части под щербатые от шрапнельных разрывов стены.

– Вглядишься в беду и страдания... всех, кто в нужде, как нищего не презирай... Странников принимай, больных опекай, – доносилось из репродукторов над заполненным людьми

Зарядьем. – В ответах вежлив будь, очи долу опуская... Не будь алчен к пьянству, со всяким обходителен, щедр и милостив...

Народ внимал и безмолвствовал. Гигантская толпа в серых, черных и темно-синих одеяниях заполонила пространство от храма Василия Блаженного до Исторического музея. Женщины в длинных свободных платьях, с покрытыми платками головами, держались за бородастых мужей, потупив взоры. Помимо смятения, на их лицах читалась смесь страха, покорности и надежды. Сотни, тысячи глаз наблюдали за бывшей сценой для праздников и увеселений.

Живой цепью, ограждавшей простолюдинов от окрестностей Кремлевской стены, стояли бойцы Дружины Великого Князя. Рослые и широкоплечие, в современных камуфляжах и бронежилетах, с автоматами АК-12, гамматическими крестами и нашивками Спаса Нерукотворного на плечах, они олицетворяли Новую Власть. В воздухе висели дроны с круговым обзором, контролируя ситуацию. Диалектическое сочетание смертоносной силы XXI века с готовностью действовать сообразно нравам века XVII. Недремлющими взглядами сквозь очки дополненной реальности бойцы раз за разом обводили толпу.

Массивный гранитный Алтарь Возмездия темнобагрового цвета на месте бывшего мавзолея у стен Кремля олицетворял необратимость перемен. Большой, широкий, добротный бревенчатый помост с массивной, исчербленной топором плахой пустовал, хотя по краям его торчали пики с головами двоих министров старого «коалиционного правительства». «Не успели убежать» – красовалась под ними нарочито грубая, косо прибитая табличка. Превратившись в обтянутые истлевшей кожей черепа, они немо зывали к толпе взглядом пустых глазниц, показывая, что покорность – лучшая добродетель. По площади разлился очистительный колокольный звон, заполняя ее от края до края, отражаясь от стен и куполов, отзываясь в душе каждого по-своему. Толпа загудела, заревела медвежьим приветственным рыком. Величественные Спасские ворота распахнулись. Раздался громогласный призыв: «На колени!» – людское море заколыхалось и склонилось в благоговении.

Сам Великий Князь вышел к народу – в мундире старинного покроя, с соболиной шапкой, при золотых погонах. Его молодое и невероятно волевое лицо, знакомое по немногочисленным выступлениям, было преисполнено решимости; лишенный тени сомнения взгляд горел огнем.

Час настал. Медленно и чинно вышагивая, звонко стуча подошвами по деревянному помосту, он будто шел над бездной, из которой и строил мост в новое будущее. За ним в облачении из черного бархата, расшитого серебряными и золотыми нитями, шел старообрядческий Патриарх Филарет. Лик его был аскетичен, жилистые руки держали окованный железом массивный посох. Не милосердие нес он, но неколебимую уверенность в правоте руки, поднявшей карающий меч ради справедливости.

Едва они взобрались на помост, толпу призвали к спокойствию. Наступила давящая тишина, и только треск факелов причудливо соседствовал с жужжанием дронов. К патриарху подошли двое с подносом, облаченные в простые монашеские одеяния. Патриарх отдал им посох и, дождавшись, когда прожектора сойдутся на подносе, поднял оттуда царский Венец. Кровавыми огнями заблестели грани рубинов в золотом обрамлении, серебристой радугой – бриллианты.

– Народ православный! – голос Патриарха, усиленный микрофонами, катился над площадью, могучий и пронизывающий, как зимний ветер. – Сего дня, пред очами Божиими и Святых Мучеников, сей муж, Великий князь и Благочестивый Воевода, приял на себя бремя Царского служения! Виждь, Русь Святая, Царя твоего! Алексея Второго, Божию милостию, Царя всея Руси, Самодержца Московского!

Патриарх вознес Венец. Сотни автоматов загрохотали, стреляя очередями боевых патронов в небо и сотрясая сердце древней столицы. В грохоте и клубях дыма, под крики толпы,

Патриарх возложил на Алексея Второго Венец. Новый помазанник выпрямился, оглядывая море склоненных людских голов.

Москва, некогда сиявшая огнями вседозволенности и возможностей неограниченного обогащения, теперь лежала у его ног – хмурая и коленопреклоненная, в упряжи новой старины, еще дышащая гарью, не до конца смытой кровью, и верой, замешанной на благоговении. Новое Царство родилось под отсветы костров и холодный блеск стали, под клятвы верности Дружины...

...На фоне тихонько потрескивавшего догорающими углями камина Кирилл внезапно услышал совсем рядом громкое, надрывное жужжание. Сначала он подумал, что это дроны из сна, но сон растворился, а жужжание сделалось отчетливее. И совершенно определенно несло ничего хорошего.

Анна тихонько заворочалась на диване рядом с раскладушкой Кирилла. Жужжание в каминной трубе быстро набрало силу и спустя пару секунд заполнило комнату, словно гудение потревоженного улья. Всплеск адреналина сбросил Кирилла с кровати. Сквозь полумрак он увидел зависший посреди комнаты темный дрон размером с небольшую книгу. Подобно потревоженной пчеле, тот ритмично покачивался из стороны в сторону.

Снизу к нему было прицеплено нечто округлое, а спереди на мир смотрел объектив, похожий на линзу шпионской видеокамеры. Красная точка лазера металась по стенам, скользнула по лицу спящей Анны и замерла на уровне ее шеи. Из линзы вырвалась тонкая, плотная струйка аэрозоля...

Кирилл рванулся с раскладушки и, даже не вставая, перекатился к дивану Анны. Обвившее ноги одеяло сковывало движения, но он вырвался.

– Аня! – Кирилл щелкнул выключателем и увидел преисполненные страхом глаза девушки. «Пшшшшшш» – струя аэрозоля расплзалась в облачко, исчезавшее на глазах. – Аня, задержи дыхание! Вниз!

Кирилл помог ей спуститься с дивана, поддерживая за плечо. Она повиновалась: прижалась к полу и уткнулась лицом в подушку. Только бешеный стук в висках и жужжание непрошеного гостя. Мысли путались. Винты звывли громче – дрон развернулся, продолжая распылять неведомую гадость.

Волнение делало свое дело – воздуха быстро стало не хватать. Кирилл окинул взглядом комнату. Около камина лежал стандартный набор: совок, щипцы и кочерга – длинная и тяжелая. Поднявшись на колени, Кирилл прыгнул к ней. Дрон среагировал почти мгновенно, поворачиваясь и целясь в него. Но Кирилл успел закрыться подушкой за мгновение до того, как очередной залп ударил бы ему в лицо. Прикрываясь подушкой, словно рыцарь щитом на поединке, он занес кочергу, сокращая дистанцию.

Удар! Дрон камнем рухнул вниз, в стороны разлетелись ошметки винтов и креплений. Из неведомой емкости с шипением вырвался остаток аэрозоля. Глаза обожгло едким теплом, словно горячей водой. Не глядя на поверженного врага с судорожно дергавшимся уцелевшим винтом и мигающим красным глазком, Кирилл схватил Анну за руку и рванул прочь из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Кирилл стоял, опираясь на кочергу, и тяжело, прерывисто дышал. К тошноте и головокружению прибавилась резь в глазах, ушах и носоглотке. Анна все еще держала у лица подушку – благодаря этому ей досталось гораздо меньше. Она смотрела на своего спасителя взглядом, полным тревоги и восхищения.

Из комнаты на первом этаже прибежал генерал.

– Уводите всех из дома, дядя Олег. Там что-то очень ядовитое, – выдавил Кирилл, чувствуя приступы дурноты и опускаясь на пол.

Ночь прошла в тревожном ожидании новых нападений. Все переместились в летнюю кухню. Вызванный генералом военный медик осматривал лежащего в полусне Кирилла. Тот не

понимал, где находится: беспокойные видения шли одно за другим. В них люди в черных одеяниях послушников направляли рои дронов на орды врагов под хоровые песнопения. Санитары тащили раненого Кирилла на маленькой колесной платформе, подпрыгивавшей на ухабах в такт со взрывами. Горизонт поглощали цепи пожаров, увенчанные стеной дыма.....

– Отравление средней тяжести. Можно отвезти в гарнизонный госпиталь на пару дней, – сквозь пелену галлюцинаций услышал издалика Кирилл.

– Вещество неизвестно, – докладывал второй боец в костюме химзащиты. – В помещениях проведены дегазационные работы. Рекомендовано некоторое время не использовать комнату второго этажа.

Когда все разошлись, Анна еще долго сидела рядом и смотрела на беспокойный сон Кирилла. Аккуратно взяв его за руку, она сцепила свои пальцы с его и держала так несколько минут, пока они не начали затекать. Она гнала прочь мысль: если покушения продолжатся, успех будет лишь вопросом времени. Хотелось жить здесь и сейчас, а завтра – будет завтра.

Глава 10. Чудовищное открытие

Чумазные загорелые дети гонялись за пыльными вихрями, поднимаемыми потоками горячего воздуха. Тесный, душный лагерь беженцев Кутупалонг-Балукхали на бангладешской стороне границы с Мьянмой утонул в мареве. Тут, как и в Мексике, Нигерии и Пакистане, вирус «Хтонос» не встречал преград: до заветных двадцати шести градусов, потребных для самозатухания эпидемии, температура не падала даже утром. Не умолкая гудели мухи над помойкой; поодаль нутужно мычали чахлые коровы, обдавая жителей букетом ярких запахов скотного двора при каждом неудачном порыве ветра. Постоянно орали малыши.

Среди бесконечных рядов лачуг с редкими пунктами палатками ООН, поддерживался относительный порядок. Подобно трущобам Мехико, скученность не оставляла выбора: люди вставали в длиннющую очередь, мучительно медленно продвигавшуюся под лучами солнца в зените. У палаток «Глобал Биофарм», под вяло колышущимся флагом ВОЗ, теснились серьезно экипированные медики в белых халатах. Маски по всей строгости, лицевые щитки, перчатки.

Работал конвейер измученных человеческих душ, жертв слепой ярости вируса. Одна из многих казней на фоне безрадостного житья в духоте и антисанитарии. Лозунг «ViraShield: быстро, надежно» поверх миротворческой символики на белых фургонах ООН выглядел банально, но был неизбежным атрибутом подобных кампаний.

– Фух, скорее бы вечер! – Доктор Риаз Чоудхури снова вытер пот со лба рукавом халата. Палатка с большим красным крестом и символикой ООН превратилась в парник. Не помогали ни открытые настежь входы, ни вентилятор, запитанный от тарахтящих неподалеку генераторов.

Гул тысяч голосов, крики детей и предупредительные окрики миротворческого контингента отлично доносились до палатки, мешая работе под лампой. Большой медицинский холодильник, тоже подключенный к генератору, служил хранилищем для медикаментов и партий ViraShield. Пробирки, пипетки, шприцы – все изначально упорядоченное теперь смешалось в бардаке.

Доктора давно настораживали действия «Глобал Биофарм». Корпорация требовала лично контролировать логистику поставок вплоть до пунктов вакцинации, ссылаясь на соблюдение температурного режима. Избыточные ограничения и неусыпный надзор, малозаметные со стороны, для медперсонала становились назойливыми сверх всякой меры.

Каждая партия и даже каждая доза вакцины имела индивидуальный код. Никаких объяснений фармацевтам и врачам: данных о происхождении и распределении партий не давали. Тестовые же образцы, на которые корпорация не скупилась, распределялись между исследователями без бюрократии. Чоудхури и сотни специалистов проверяли их по всем возможным параметрам, раз за разом убеждаясь в торжестве технологий корпорации.

Стена недоверия давно пролегла между Чоудхури и этим монстром фармакологии. Но зацепок долгое время не было. Десять дней назад одну забракованную партию изъяли и спешно вывезли, хотя дюжину доз успели использовать. Всех, кому не посчастливилось получить укол из нее, без лишних объяснений отвезли в центральный госпиталь «для наблюдения».

Знакомый Риязу доктор Амит, некоторое время контактировал с несчастными. Три дня назад состоялся очень странный телефонный разговор.

– Риаз, сегодня я по-настоящему испугался. У троих больных спутанное сознание, агрессия, галлюцинации. Чем дальше, тем сильнее.

– Грипп? Нейроинфекция? – спросил он собеседника.

– Не похоже. Нарушения сна необычны.

– Давай встретимся, Амит, у тебя когда выходной?

– Давай послезавтра! До связи. Тут еще много что сказать. Сотрудники Фармы, они... Ладно, потом!

Завтра наступило, но телефон Амита умолк и больше не отвечал. На следующее утро Чоудхури сообщили, что Амит трагически погиб под колесами грузовичка неподалеку от столичного госпиталя. Попытки узнать судьбу заболевших были решительно пресечены угрозой увольнения.

Это выходило за рамки «просто странностей». В голове Чоудхури созрел дерзкий план. Когда внезапно заболел лаборант, а дежурный от «Глобал Биофарм» уехал по делам в город, Риаз решил действовать.

Списав три дозы как разбитые по неосторожности поддельной подписью уполномоченного сотрудника, Чоудхури начал действовать. До прибытия сменщика оставался час.

После долгих раздумий над симптомами он выбрал три теста – на вирусные энцефалиты, бешенство и прионные белки. На каждый выделил по одной пробирке. Закрыв палатку с вывеской «обед», он начал эксперименты. Руки дрожали от усталости и волнения; приходилось сосредотачиваться – запасные ампулы взять негде.

– Проклятие! – вырвалось у него, когда коробочка с материалами упала на бок. Одна ампула покатилась по столу, остановившись в паре сантиметров от края.

Медлить было некогда – первая доза пошла на анализ энцефалитов. Чоудхури аккуратно внес образец в картридж готовой ПЦР-панели Film Agra и вставил его в компактный анализатор. Результат должен был быть готов через час.

Вторая доза проверялась на бешенство. Он сконцентрировал образец через фильтр-концентратор, нанес на предметное стекло и обработал флуоресцентными антителами к вирусу. Затем убрал стекло на тридцать минут во влажную камеру – небольшой пластиковый контейнер для инкубации – и оставил до изучения под микроскопом.

Больше всего забот было с тестом на прионы. Растворив нормально свернутый рекомбинантный белок в буфере, Чоудхури добавил Тиофлавин Т. Под УФ-фонариком раствор дал слабое контрольное свечение мягкого зеленого оттенка. Дрожащей рукой он внес образец ViraShield в смесь реагентов и поместил пробирку в термошейкер.

До возвращения бдительных ребят из «Глобал Биофарм» оставалось меньше получаса. Чоудхури проворно сложил оборудование и образцы в картонную коробку подходящего размера, поставил ее на тележку и под предлогом уборки откатил в неиспользуемый угол склада. Коробка легко затерялась среди стеллажей на фоне множества упаковок.

Едва доктор вернулся в палатку, как прибыли «коллеги». Будто ничего не случилось, он продолжил заполнять журналы и изучать материалы многочисленных анализов на «Хтонос». Конвейер иммунизации заработал с новой силой. Время тянулось нестерпимо долго, жара и влажность давили даже сильнее обычного. Совсем рядом, в неприметной коробке, зреет ответ на его тревоги и сомнения. Его грызли опасения в предвкушении скорой развязки. Оставалось дожидаться конца смены и незаметно спрятать драгоценный груз в пикапе среди прочих коробок.

Наконец самая долгая в карьере Чоудхури смена завершилась. Сдав пост, отчетность и холодильники с анализами, он загрузил пикап ящиками с реагентами, биоматериалами и отходами. Ту самую коробку запрятал как можно глубже.

Охрана «Глобал Биофарм» привычно заглянула в кузов Руки доктора пару раз дрогнули, хотя Чоудхури давил тревогу всеми силами

– Все в порядке, доктор? – спросил знакомый старший КПП «Глобал Биофарм».

– Устал до смерти – показушно смахивая пот со лба ответил доктор. Внутри все похолодело несмотря на сорокаградусную жару.

– Что в коробках?

– То же что обычно! – Глаза Чоудхури было забежали, но он усилием воли заставил их смотреть в одну точку. – Хотите осмотреть – смотрите! Но сами, я на сегодня наработался. – последнее было сказано с вызовом. Но доктор был профессией уважаемой, особенно в пандемию и имел право быть сердитым.

Должно быть, ответ выглядел убедительно.

Охрана открыла пару коробок, поглядела на них секунд пять, и захлопнула кузов. Сканер пикнул дважды – пропуск на машину, личный пропуск. Охранник кивнул – «проезжай, все в порядке». Скрипнув на прощание, приоткрылся шлагбаум импровизированного КПП, и Чоудхури наконец помчал свой сверхценный груз по пыльной дороге в Дакку.

Уже давно стемнело, когда он въехал в столицу, миновав карантинные пункты. Лаборатория на третьем этаже обшарпанного здания казалась оазисом свежести после утопавшего в мареве и гудящего тревогой лагеря беженцев. Неоновые лампы давали ровный свет, вытяжки тихо гудели. Доктор привел себя в порядок, вдыхая успокаивающий, настраивающий на рабочий лад запах спирта.

Настал долгожданный момент проверки результатов. ПЦР-панель размером с тостер выдала результат на энцефалиты: отрицательный по всем возбудителям. Ни ВПГ, ни энтеровирусов... Что ж, минус один кандидат.

Следующим был тест на бешенство. Под мощным флуоресцентным микроскопом никаких аномалий: чистота, ни единой зеленой точки антигена. Что ж, бешенство было одним из самых страшных вариантов, хотя и предотвратимым до появления симптомов.

Последней была пробирка из третьей ампулы, все еще дрожавшая в термощейкере. Чоудхури погасил свет и извлек ее. Луч портативного УФ-фонарика рассек полумрак. Контрольная пробирка с реагентами светилась равномерным зеленым. Однако образец с ViraShield вспыхнул яркой, пульсирующей изумрудной нитью – словно светящийся внеземной червь поселился в серой гуще раствора. Неоспоримо положительный результат, пусть и на грани чувствительности!

У доктора Чоудхури потемнело в глазах. Свежий воздух лаборатории обратился ледяным северным ветром. Это был самый страшный из всех известных вариантов. Мысли заплясали в диком танце. Доктор сел за компьютер и открыл базы данных, статьи и материалы по прионным болезням.

Прионы оставались самой страшной загадкой, к которой человечество только начинало подступаться. Это совершенно иной класс инфекционных агентов – не вирус и не бактерия. Белок, но особенный. Обычные белки тихомирно встраиваются в организм, выполняя свою функцию. У каждого – сложнейшая химическая формула и строго заданная пространственная структура. Иногда, с ничтожной вероятностью, отдельный белок сворачивается неправильно – и эта ошибка оказывается роковой.

Будучи куда опаснее раковых клеток, патогенный прионный белок запускает цепную реакцию таких же превращений у соседних белков, охватывая орган за органом. Прогресс сдвинул дело с мертвой точки: стало возможным «выключение» производства «базового» белка. Однако лечение одного человека до сих пор стоило пару сотен тысяч долларов и позволяло остановить повреждения, но не обратить их вспять.

О массовой терапии даже с последними достижениями науки можно было только мечтать. В лучшем случае спастись смогут миллионеры и высшие чиновники. Без лечения процесс пойдет постепенно, но непрерывно. Пораженный мозг превратится в губку, а сознание, координация и общая жизнеспособность человека будут поступательно угасать, приближая абсолютно предопределенный результат – смерть.

Сделав нехитрые вычисления по результатам анализов и данным из мировой сети, он проверил заключение в медицинском ИИ. При концентрации прионов, обнаруженной в «нор-

мальном» образце, инкубационный период предположительно составит от восьми до шестидцати месяцев.

Лавинообразное проявление первых симптомов начнется, когда миллиарды уже давно получают «спасительные» уколы ViraShield, забудут о них и продолжат прежнюю жизнь. После ужасающего открытия для 99,9% зараженных медицина сможет лишь сделать смерть менее мучительной. Еще через год-полтора охваченные прионной эпидемией страны превратятся в гигантские кладбища – памятники грандиознейшей человеческой подлости.

Надо было срочно действовать! Пока еще возможно ограничить число жертв семью-восемью сотнями миллионов, не дать ему дойти до пяти миллиардов! Ужасно – но сегодняшнее положение лишь пролог грядущего кошмара!

Чоудхури начал искать контакты ученых и исследователей по всему миру – тех, с кем встречался на конференциях или чьи выступления слышал. В приоритете были люди, высказывавшие сомнения и критику.

Чем больше он искал, тем сильнее давило отчаяние. Множество таких, судя по данным в интернете, по чудовищному стечению обстоятельств погибло... умерло... было убито в последние несколько недель! Это не могло быть случайностью: чьи-то всемогущие руки зачищали целый сегмент исследователей, исключая преждевременное раскрытие чудовищной тайны.

В списке еще живых набралось около дюжины интересующих фамилий. Одной из них была Анна Семенова, исследовательница, знакомая ему по двум конференциям. Пару недель назад она запрашивала информацию из его страны, причем в ее вопросах отчетливо прослеживались подозрения на наличие сокрытых от посторонних глаз деталей.

Чоудхури быстро набрал сообщение, приложил материалы исследований, краткие выводы и прогнозы. Собравшись с силами, переписав десяток раз текст, он уже за полночь разослал его всем найденным контактам. Первый контур заговора дал трещину, и ядовитый туман утечки начал просачиваться под лучи правды сквозь герметичный прежде информационный барьер.

Глава 11. «Если вы читаете это письмо...»

Вечерело, когда Кирилл наконец смог прийти в себя и встать с кровати. Они с Анной перебрались в комнату первого этажа, окна которой наглухо закрывали металлические рольставни. Вентиляционные створки усилили решетчатыми заглушками. Генерал выделил дополнительного караульного – тот сидел на импровизированном посту у входной двери.

Анна как раз закончила обустройство мини-лаборатории на новом месте. Официально она взяла отпуск по личным обстоятельствам, но прекращать работу не собиралась.

Обращаться в полицию пока было, собственно, не с чем, да и хозяин дома не видел в этом смысла.

– О! А это что такое? – заинтересовалась она, просматривая почту. Сообщение на английском от доктора из Бангладеш, с пометкой «Важно!»

Анна помнила господина Чоудхури как спокойного и взвешенного человека, с чьего смуглого лица при знакомстве не сходила доброжелательная улыбка. Хотя он был мусульманином, производил впечатление скорее буддиста, познавшего дзен.

– Кирилл, скорее иди сюда!

Кирилл склонился над экраном и принялся читать вместе с ней.

«...Уважаемые коллеги, вынужден сообщить о чрезвычайной ситуации в мировом здравоохранении. Я осознаю тяжесть обвинений и огромные риски распространения подобной информации, но выхода нет. Я, доктор Риаз Чоудхури, уже полтора месяца работаю врачом в лагере беженцев Кутупалонг-Балукхали, Бангладеш, под эгидой программы ООН и Красного Креста. Данные подтверждены независимым анализом.

После инцидента с вакцинацией бракованной партией пострадавших перевели в District Sadar Hospital в Кокс-Базаре. По поступившей оттуда информации, у них проявились и нарастали симптомы поражения нервной системы. Бракованную партию изъяли полностью. Дальнейшие трагические события не позволили узнать детали, поэтому я решился независимо протестировать серийные образцы по трем направлениям: вирусные энцефалиты (FilmArray), бешенство (dFAT + RT-qPCR) и прионные белки. Образцы показали специфическую флуоресценцию при контакте с рекомбинантным PrPC и тиофлавином Т, что указывает на присутствие патогенной изоформы PrPSc в низкой концентрации (10 в –12 г/мл), впрочем, достаточной для необратимого развития прионной инфекции».

Далее шел ряд технических подробностей, но взгляд Анны затуманился, строки поплыли, и за текстом она уже не видела цифр и формул.

– Кирилл, ты понимаешь, это *оно самое!* Причина безумных убийств во всем мире! Пол-миллиона зараженных доз только в их лагере! Когда у первых жертв проявятся симптомы, шансов спасти тысячи людей останется немного!

Кирилл немедленно побежал за генералом, как раз вернувшимся со службы.

– Ну что ж, дорогие мои, нам с вами выпала честь сойти с ума от паранойи или попытаться не сидеть на жопе ровно, – прочтя письмо и расспросив Анну о прионах, начал генерал. – Ты связывалась с начальством своей лаборатории?

– Сейчас свяжусь.

Анна набрала номер своего научного руководителя, доктора наук и большого авторитета в научной и бизнес-среде, перевела звонок на громкую связь и стала ждать ответа.

– Слушаю! – сердито донеслось в трубке.

– Иван Станиславович, добрый вечер! – начала было Анна.

– Слушаю тебя! – перебил ее мужской голос человека, которого, казалось, отвлекли от важных дел ради пустяка.

– У меня есть информация о ViraShield, которая требует немедленной проверки! Я сейчас переешлю...

– Анна Александровна, ты, кажется, забыла, что время сейчас нерабочее, – безапелляционно осадил девушку собеседник.

– Иван Станиславович, это вопрос жизни и смерти миллионов... – продолжала Анна. – Я взяла этот отпуск потому, что меня пытались...

– Прекрати это немедленно! Мне нет дела до твоих личных обстоятельств! Вообще вместо благодарности выслушивать от тебя такое крайне неприятно, Анна! Возможно, мне стоит пересмотреть взгляды на нашу с тобой совместную работу. – Голос на том конце делал странные паузы, будто каждое слово давалось с трудом.

– Иван Станиславович, вы про что? Я только лишь... – растерянno возразила Анна.

– Извини, сейчас не могу, давай позже. До свидания.

Интонация поставила точку в диалоге яснее самих слов. Собеседник сбросил звонок.

– Он всегда такой? – спросил генерал Воронцов. – Армейский?

– Нет, что вы, отличный человек и руководитель. Я с ним восемь лет работаю и не думала уходить: всегда были понимание и поддержка.

– Он либо тупой солдафон, либо очень взволнован.

Если первое ты исключаешь, то... – начал генерал.

– С ним уже «поговорили» всерьез и начистоту! – закончил Кирилл.

– Да, молодой человек! – подтвердил Олег Борисович, доставая из кармана сигару и закуривая прямо в помещении.

Вечер прошел в тревожном молчании. Анна и Кирилл обсуждали ситуацию, вместе вникали в особенности прионных болезней и исследований по борьбе с ними, изучали графики иммунизации ViraShield.

Засыпая, Анна сквозь сон думала о чудовищном открытии. Реакция «Глобал Биофарм», убийства ученых, полная секретность происходящего исключали случайность. Заражение не было результатом аварии или халатности. Хтонический конвейер смерти под личиной борьбы с эпидемией вышел на полную мощность. Уже почти миллиард человек получил дозу, и каждый час их становилось на миллион больше! Судьба целого мира висела на седой бороде доктора Чоудхури да на темнокаштановой пряди ее собственного зыбкого существования! Времени на раскачку не было: чем дольше мир не знает об этой заразе, тем больше неописуемого по масштабам зла захлестнет Землю через каких-то полтора года!

Прионы, микроскопические машины убийства, уже начинали незаметную работу в ничего не подозревающих детях и стариках, мужчинах и женщинах. Они способны выжить в кипящей воде, таиться десяток лет в почве; вызванное ими поражение мозга невозможно обратить вспять даже дорогой экспериментальной терапией...

Анна вспомнила эпидемию прионной болезни Крейтцфельда-Якоба в Европе более сорока лет назад – тогда вспышка казалась ужасной случайностью. Теперь она посмотрела на нее с другой стороны: кто знает, не была ли это намеренная утечка – пробный шар, «масштабный эксперимент», как позже утверждали по поводу Covid-19?

И что самое печальное, зло могло неотвратно подорвать веру человечества не только в вакцины, но и в медицину. Подобное произошло с евгеникой после того, как ею увлекся Третий рейх, превратив идею улучшения генофонда человечества в руководство по насильственному пресечению размножения «неправильных». Здесь же масштаб неверия зажжет факел ненависти, способный испепелить мировое здравоохранение! Как объяснить похоронившему родню обывателю, что вакцинация как способ защиты от эпидемий сама по себе ни при чем, а стала лишь инструментом чьих-то сатанинских замыслов – как кухонный нож в руках маньяка?

* * *

– Есть к тебе серьезный разговор.

Воронцов позвал Кирилла вниз, в кабинет, когда Анна уже давно спала.

Он курил редко – только когда волновался. Теперь поводов для беспокойства было столько, что можно было курить без перерыва. Усевшись в массивное кресло, он, словно титаны политики столетней давности, потягивал трубку; на столе стояли стакан и бутылка виски. – Тебе налить?

– Слушаю, Олег Борисович.

Кирилл кивнул, и генерал плеснул ему немного.

– У меня есть очень давний знакомый, много лет живущий за границей, – начал издали генерал. – Он работает в очень серьезной организации, которая знает очень много. Само общение с ним – повод для моей отставки и расследования в случае утечки. Но он как раз сообщил мне о странностях вокруг финансовых операций «Глобал Биофарм», в том числе об убийствах ученых. Вот только, несмотря на всю свою крутость, он не знал того, что теперь знаем мы.

– И что нам делать? – задумчиво спросил Кирилл.

– Что делать, роботу хрен приделать! – кашлянув, сказал генерал. – Параллельно с историей «Биофармы» странные движения шли и вокруг проекта «Арго».

– Того самого, взорвавшегося?

– Да. Вот только взорвался не реактор, а маломощный ядерен-батон – причем из арсенала для взрывных работ на астероидах.

– Выходит, ценность экспедиции ставила планы заговорщиков под угрозу?

Кирилл допил горькое пойло, зажевав куском хлеба.

– Может, и так. – ответил Воронцов. – Наши данные о взрыве подтвердили его предположения и легли на стол президенту. Он распорядился создать секретную комиссию. Без подробностей, но в итоге выяснилось: уже после катастрофы из ее района несколько раз приходил на Землю слабый сигнал неизвестного происхождения.

– То есть за ними летел кто-то, догнал и взорвал, раздобыв ядерный арсенал?

– Наиболее вероятный вариант. – Генерал налил еще и выпил одним махом. – Мы сообщили об этом китайским коллегам. Они заинтересовались. После взрыва «Арго» их термо-ядерный буксир «Цюйцзинь» – единственный в своем роде. Завтра он вылетает к месту катастрофы для анализа и поисков обломков.

– А нам с вами как быть? – Кирилл пожал плечами. – Они ведь наверняка узнают, что мы уже в курсе их задумки. И тогда, полагаю, инсценировкой естественной смерти заморачиваться уже не будут.

– Олег, вот ты где! Опять употребляешь? – Жена генерала, войдя в комнату, с беззлобным укором поглядела на него, поправляя прическу.

– Тайное всегда становится явным, – подмигнул генерал Кириллу. – Уже собираемся ко сну.

Генерал деловито убрал бутылку в тумбу под столом.

– Ошибка выжившего, – возразил Кирилл. – Мы знаем лишь то, что стало явным. А сколько тайн ушло в могилу вместе с хранителями, страшно и представить.

– Вечно ты умничаешь и лезешь вперед бабки в пекло. А на ваш счет у меня есть некоторые задумки.

Генерал навел порядок на столе, чтобы ничто не напоминало о посиделках.

– Скоро дам тебе знать. Так или иначе, вы будете при деле и в относительной безопасности.

Кирилл ушел спать, стараясь устроиться так, чтобы не потревожить Анну. В защищенной комнате им пришлось делить один диван – места для раскладушки не оставалось. Это его несколько не напрягало. Пережитое и выпитое преломлялось сквозь усиленную Нейронитом призму подсознания. В фантазмагорическом сне виделись ему зловещие аномальные белки, передающие эстафету заражения, создающие бесчисленную армию. В окружении этой армии насмерть бились мрачные воины Государства Русского с нашивками Спаса Нерукотворного из «Нижнего мира», как прозвал его Кирилл про себя.

Невыключенный телевизор бубнил под ухом о новостях науки, словно эхо голоса свыше. Сквозь сон Кирилл слышал о начавшихся на периферии экспериментах, предложенных двадцать лет назад каким-то Мелвином Вопсоном в рамках гипотезы об информации как пятом состоянии вещества. Точность массспектрометров уже позволяла оценивать изменение массы при уничтожении информации, содержащейся в элементарных частицах к моменту их аннигиляции. Если предположение верно, вся материя буквально пронизана вшитой памятью, содержащей... А хрен знает что содержащей. Музыку сфер, эхо Большого взрыва, память былых эпох или, быть может, даже лик Создателя Всего?

Глава 12. Большая игра

В сотнях километров под Мариной Соколовой безмолвно проплывала поверхность Земли. Прерывистая пелена облаков ветхим, рваным тряпьем опоясывала планету. Станция «Гармония», как и ее предшественница МКС, была набором больших консервных банок, парившим среди алмазной пыли звездного неба. Но взгляд Марины был направлен не на звезды и не на облака: похожий на ската «Цюйцзинь» жизнерадостно сиял белизной приплюснутого корпуса, увенчанного длинными решетчатыми фермами. На месте рта – стиснутые зубчатые створки грузового отсека, над ними темной дугой – капитанский мостик. В космосе понятия «над» и «под» полностью теряли смысл, но заточенный под земную жизнь человеческий мозг упорно за них цеплялся.

– Марина, сеанс квантовой связи! – раздался в динамике голос Федора.

Марина поспешила в российский модуль: на ее памяти этот канал задействовали лишь дважды, значит, сообщение было серьезным.

Преодолев три поворота и два отсека, Марина присоединилась к Федору и третьему космонавту российского сегмента Павлу Меньшикову. Переборки, как и полагается в таких случаях, закрыли, вспомогательную аппаратуру перевели в спящий режим. Диагностический робот «Букашка» облазил все углы, подтвердил отсутствие подслушивающих устройств и врубил кокон помех. Связь на станции тут же начала сбоить, и американская сторона обвинила русских в злонамеренном подрыве научной программы.

– Здравствуйте, товарищи космонавты! – На экране показался статный человек в форме генерал-лейтенанта. – Генерал-лейтенант Воронцов, заместитель командующего космическими войсками. По распоряжению президента Российской Федерации Федору и Марине приказано вместе с экипажем «Цюйцзиня» исследовать место катастрофы «Арго». Из-за отсутствия согласия правительств США и Великобритании, во избежание скандала, миссия проходит в закрытом режиме. Российский модуль закрывается на карантин, Павел Меньшиков назначается его командиром. Обеспечение экспедиции произвести на четыре месяца.

Удивляться было некогда: перетаскать пять тонн груза на китайский корабль даже в невесомости оказалось непросто. Когда с помощью роботов, смекалки и такой-то матери дело было сделано, все трое российских космонавтов напрочь вымотались.

– Ну что, Марина, – спросил Федор, попивая горячий чай через трубочку и просматривая полетное задание. – Готова к катанию на драконьей лодке?

– Готова, хотя что-то мне подсказывает, что простой прогулки не выйдет.

– Китайские товарищи уже ждут. Они, как обычно, все успели раньше нас. Пойдем.

Всего через полчаса «космический скат» отстыковался от модуля и полетел по следам «Арго». Ускорение вжало Федора Маркова в кресло пилота – почти как при старте с Земли, только гораздо слабее. Но после невесомости любая нагрузка казалась существенной. Корпус «Цюйцзиня» гудел и вибрировал от нарастающей мощи двигателя. На камерах заднего обзора медленно гасла, превращаясь в точку, «звездочка» станции «Гармония». Отростки четырех «национальных» модулей сливались в одно целое, словно намекая: космосу плевать на различия между людьми.

На запястье мигал голубой индикатор синхронизатора WhaleBlue-UniLang, превращая речь командира Ли Вэя в интеллигентный плавный баритон на чистейшем русском:

– Системы готовы. Тяга на 40% за три, два, один... Контакт.

Содрогания корпуса были крохотным отголоском той умопомрачительной мощи, что бесновалась в нескольких десятках метров за слоями несокрушимой защиты. После месяцев невесомости сила тяжести в одну десятую земной казалась даром богов. Вместо надоевшей легкости Марков наконец почувствовал собственное тело.

Слева Марина Соколова с порозовевшими от перегрузки щеками замерла, впиваясь пальцами в подлокотники. Напряжение на ее лице сменилось улыбкой предвкушения интересного путешествия. Термоядерный привод не ревел, подобно химическим двигателям. Но сотой доли его энергии хватило бы, чтобы разорвать корабль на части.

Тайконавты работали молчаливо и слаженно, лишь иногда перекидываясь обрывистыми фразами. Командир Ли Вэй почти не поворачивался к гостям, занятый работой и контролем сотни показателей. Его помощница Чэнь Цзин, с точеным, будто у звезды эстрады, лицом, отслеживала кривые излучения на сенсорах. Коренастый и непроницаемый Чжан Юй проверял механику – от балластных клапанов до контуров вентиляции. Их движения напоминали ритуал, лишенный суеты. Русские следили за коллегами, пытаясь понять их настрой. UniLang выхватывал отдельные фразы и переводил на лету.

– Поток гелия-3 в пределах нормы. Контур охлаждения стабилен.

– Отлично. Состояние экипажа в норме. Показатели стабильны. Русские гости, как вы?

Соколова усмехнулась:

– Русские гости мечтают о траве у дома, но жаждут приключений.

Уголки губ Чжана приподнялись на миллиметр.

Десяток миллионов километров прошел незаметно – в чередовании рабочих смен и изучения необходимой информации. Земля превратилась в точку среди неизменных созвездий, когда космический скат развернулся задом наперед и начал торможение.

«Цюйцзинь» мог не просто слетать до Юпитера и обратно за три месяца. Две трёхместные каюты, каюткомпания, инновационный туалет – по сути небольшая яхта, полностью автономная, с запасом хода в миллиарды километров.

Про туалет ходили легенды: к разгадке его секретов вплотную подобралось одно лишь НАСА.

Прежние корабли ходили по расписанию небесной механики – стартовое окно, баллистический коридор, точка встречи. «Цюйцзинь» был первым, кто шёл куда хотел, как корабль в океане. В теории тяга позволяла ему садиться даже на безатмосферные тела вплоть до лунных размеров – с гравитацией до десятой доли земной.

Они достигли места катастрофы без приключений. В космосе не остается ни воронки, ни пепелища – только условный центр разбегающегося облака осколков. Пока Федор и Марина размышляли, китайские коллеги невозмутимо занимались рутинной, выборочно проверяя бесчисленные подсистемы вслед за бортовым ИИ.

– Цюйцзинь, напомни расчетную картину катастрофы, – попросил Ли Вэй.

– После взрыва в одну килотонну должны были остаться с десяток обломков по несколько десятков метров и тысячи мелких. – рапортовал ИИ, – на вашем экране ожидаемая картина по категориям.

На главных экранах широкополосных радаров на десятки тысяч километров вокруг зияла пустота. Изначально катастрофа произошла в трех миллионах километров от планеты, но обломки уже проделали половину пути до орбиты Марса.

– Глубокая проверка сектора сто пятьдесят восемь... И тут ничего.

Голос Ли Вэя в исполнении переводчика оставался ровным, но по движениям рук Марков заметил: напряжение тайконавта нарастает.

– Тепловой след отсутствует. Магнитные аномалии отсутствуют. – продолжал командир.

– Источников ионизирующего излучения не обнаружено! – докладывал бортовой ИИ «Цюйцзиня».

Что ж, никаких следов тысячи тонн металла, керамики и композитов. И уж тем более «спецгруза» – так политкорректно UniLang переводил ядерные заряды. Федор слегка улыбнулся, вспомнив термин «спецбоеприпас».

Прорыв наступил спустя шесть часов направленного сканирования. Усталые глаза Чэнь Цзин неотрывно следили за показателями – она увидела точку быстрее, чем голос «Цюйцзиня» возвестил о находке:

– Четыре объекта в секторе пятьсот двенадцать, азимут сто тридцать, угол минус двадцать семь, плюс-минус три градуса. Дистанция восемнадцать тысяч километров. Размеры от тридцати до шестидесяти сантиметров. Слабое, но стабильное эхо!

Тихонько заработали маневровые двигатели – «Цюйцзинь» разворачивался «лицом» к цели. На экране едва заметно мерцали заветные четыре точки. С непостижимым проворством челнок преодолел требуемое расстояние. Когда скорости синхронизировались, Ли Вэй включил приближение. Первая находка висела в пустоте прямо за стеклами рубки. Шестигранная ячейка солнечных панелей «Арго», вращающаяся точно в замедленной съемке, дрейфовала в безмолвном одиночестве. По космическим меркам объект был на был совсем рядом – можно было приступить к делу.

– Начать сбор образцов, – скомандовал Ли.

Четырехрукий андроид Lun, похожий на пришельца с дешевых иллюстраций к фантастическим романам столетней давности, дождался своего часа. Шлюзовая камера распахнулась, открывая потрясающий и губительный вид. Отстегнулись магнитные путыкрепления – робот устремился к цели. Тонкий кабель соединял его с грузовым отсеком, служа поводком и каналом связи одновременно. Включив реактивный ранец и переведя конечности с четырьмя степенями свободы в режим «клешня», Lun приблизился, затормозил и проворно захватил цель. Блики солнечного света играли на его конечностях при каждом движении.

– Есть контакт! – раздалось на мостике.

Щелкнули магнитные ловушки хватких робо-рук. Чжан скомандовал возврат. Обратная дорога далась сложнее: Lun должен был не повредить находку и не запутаться в «поводке», мастерски маневрируя на реактивном ранце.

Операцию по сбору обломков повторили трижды – все найденные объекты выглядели одинаково. Пришла пора первых исследований.

Лаборатория «Цюйцзиня» напоминала модуль базы на далекой планете: залитая светом LED-ламп цвета марсианского рассвета, наглухо изолированная от мира.

Найденные ячейки панелей лежали на центральном столе в перекрестье ламп, готовые к исследованию 3D-сканерами и датчиками. Тонкие пальцы Чэнь Цзин в серых антистатических перчатках осторожно ощупывали поверхность. Рядом, склонившись над голографическим проектором, Марина Соколова изучала поток данных; собранные на затылке русые волосы казались серебристыми под синим светом дисплеев.

В ушах звенело от неестественной бархатной тишины, периодически нарушаемой ровным шумом вентиляции и попискиванием приборов. Ни окон, ни даже экранов внешнего обзора – только матовые панели стен и стерильный свет.

– Что ты скажешь нам, осколок большой стрекозы? – шепнула под нос Марина, всматриваясь в находку.

Улики выглядели инопланетными артефактами: куски расслоившегося грязно-голубого кристалла с щербатыми краями. Чэнь Цзин и Марина работали в костюмах комплексной защиты с прозрачными лицевыми масками.

– Уровень радиации – четыре сотых миллизиверта в час. Норма для космоса. Наведенной радиации не обнаружено. Нейтронная активация материалов не наблюдается, – подытожил ИИ «Цюйцзиня». – Температурные повреждения и следы столкновения с иными обломками отсутствуют. Наблюдаются параллельные неглубокие продольные борозды механического происхождения и потертости.

– Радиация в норме, все в норме, – согласилась китайка. – Есть ли основания полагать, что объект находился вблизи ядерного взрыва или теплового разрушения термоядерного реактора?

– Вероятность близкого взрыва любой природы отсутствует, – без заминки ответил «Цюйцзинь». – Каждая ячейка содержит контроллер. Повреждений проводников, предохранителей и полупроводников не выявлено. Пробоя изоляции, неизбежного при ЭМИ ядерного взрыва, нет.

Результаты исследований обсудили всем составом. На мостике воцарилась мрачная тишина. Отправив отчет на Землю, экипаж начал совещаться в ожидании дальнейших указаний.

Между делом пришла новость о решительном протесте Великобритании против вмешательства в ее внутренние дела и «посягательств на суверенитет и репутацию, подрывающих дух международного сотрудничества».

Страны-участницы миссии привычно все отрицали, ссылаясь на международный статус космического пространства.

– Итак, их погубил не взрыв, – высказался Федор Марков.

– Одиннадцать однотипных обломков и больше ничего, – резюмировала Чэнь.

– Корабль сбросил солнечные панели и испарился? – Марина все еще была под впечатлением от увиденного.

– Каждая из четырех панелей «Арго» была по семьдесят пять метров в длину, – возразил Ли Вэй. – То, что мы наблюдаем, – жалкие крохи. Обломков, которых должен быть целый рой, нет.

– Космическую стрекозу поглотил космический паук? – пошутила Марина и содрогнулась. Ей представилось громадное инопланетное нечто, внезапно хватающее «Арго» и уносящее его на окраину галактики.

– И прихватил ядерные заряды, способные уничтожить несколько стран, – мрачно парировал Ли Вэй.

– В XX веке случалось множество инцидентов – в Гренландии, Испании и в море – с потерей или аварийным сбросом ядерных бомб, – вмешался Федор. Правда, без боевого режима ни одна не сдетонировала. Но в космосе инцидентов такого рода до сих пор не было.

Тишина вновь сгустилась на мостике, когда каждому окончательно стало ясно: «Арго» украли.

Указания с Земли пришли с часовым опозданием. Поиски приказали продолжить, охватив десятикратно больший участок пространства и заново проверив уже изученное.

Часы сливались в дни, пока «космический скат» исследовал округу, дрейфуя по инерции к орбите Марса. Ничего интересного не нашлось. Когда никто уже не ждал не то что прорыва, но даже небольших открытий, внезапный писк прибора нарушил порядок вещей, сдвув дремотную усталость.

– Объект на азимуте сто восемнадцать, угол минус тридцать восемь, дистанция семь тысяч километров. Нестабильное периодическое эхо, – докладывал «Цюйцзинь».

– Что значит «нестабильное периодическое»? – спросил Ли.

– Площадь отражающей поверхности объекта циклически меняется, период одна минута. Диапазон – от значения ниже предела обнаружения до примерно одного квадратного метра.

– Курс к объекту, – немедленно приказал командир Ли. Через час «Цюйцзинь» приблизился к таинственной мигающей находке. С километровой дистанции даже без увеличения можно было разглядеть тлеющую искорку на фоне звезд.

– Интригует! Будто маленькая лампочка плавно загорается и гаснет – заметила Марина, всматриваясь.

– Цюйцзинь, максимальное сближение! – скомандовал Ли. Корабль аккуратно подкрался на полсотни метров.

Точка превратилась в маленький прямоугольник, сжимавшийся в серую ресницу и исчезающий на тридцать секунд. Андроид Lun вылетел на новую охоту. Четверть часа подготовительных маневров, и «Клешни» робота сомкнулись на заветной цели.

Камера позволила рассмотреть находку с расстояния вытянутой руки и понять ее природу. С одной стороны она оставалась чернее межзвездной пустоты, а с другой выглядела обычным обломком корабля.

Снова датчики и сканеры исследовали находку; присутствовали двое – Чэнь Цзин и Марина. Таинственная деталь метр на полметра лежала на столе, словно окно в начисто лишенную звезд тьму открытого космоса. Лучи фонарей, свет прожекторов и слепящие кружки измерительных лазеров растворялись в угольной черноте, не оставляя ни тени, ни блика. Чем дольше исследователи вглядывались, тем сильнее холодело внутри.

Концентрированное ничто, бездна, поглотившая души экипажа экспедиции «Арго».

– Давайте тепловизор, – скомандовала Чэнь. – Я говорю, давай тепловизор, – повторила она, не увидев на экране никаких изменений.

– Команда выполнена, – бесстрастно ответил Цюйцзинь. – Аномалия тепловизора связана со свойствами объекта.

Экран оставался угольно-черным: минус двести семьдесят три градуса по тепловому следу. Объект будто бы не нагрелся за время, проведенное в лаборатории.

– Скан в диапазоне радиоволн! – скомандовала Чэнь. На экранах побежали массивы чисел.

– Ноль отражения, – констатировала Марина. Благодаря синхронному переводу она уже начинала забывать о разделявшей их лингвистической пропасти.

– Полное поглощение или рассеяние. – доложил ИИ.

Чэнь активировала лазерный 3D-сканер. Тонкие красные и синие лучи уперлись в объект и утонули в его мраке, будто их и не было.

– Попробуем рентгеновские, – теряя терпение, приказала китайка кораблю. – Давай десятикратную мощность.

На этот раз эхо наконец появилось. Материал по-прежнему поглощал большую часть излучения, но что-то все-таки «отфутболивал» обратно.

– Верхняя сторона объекта имеет слоистую структуру. Под внешним светопоглощающим слоем фиксируются еще два, минимизирующих заметность в радарном диапазоне.

– Микроскоп! – Обычно тихий голос Чэнь стал звонче. Под максимальным увеличением, на пределе яркости, взору предстала чаща бесчисленных углеродных нанотрубок, сплетавшихся в лабиринты. Попавший туда фотон отражался между стенками трубок, пока не исчезал совсем.

– Если свет поглощается полностью, как оно отводит тепло?.. – спросила Марина.

– Судя по экспресс-анализу, внешний слой сохраняет свойства до семисот градусов Цельсия. Структура из тантала и висмута под ним выдерживает до тысячи двухсот. Обратная сторона содержит пористый керамический композит с высокими показателями теплоизоляции, – отчитывался ИИ «Цюйцзиня».

Манипуляторы перевернули деталь. Изнутри она отдаленно напоминала блоки теплозащиты возвращаемых орбитальных модулей – ничего необычного. Исследователи осмотрели каждый сантиметр. Маркировки не было: лишь едва заметные потертости в двух местах – вероятно, следы уничтожения серийного номера и спецификации.

– Что ж, судя по всему, это не внеземная технология, – подытожила Марина.

Чэнь кивнула: инопланетное вторжение на сей раз откладывалось.

– Дорогая, должно быть.

– Минимальная предположительная стоимость с учетом имеющихся свойств – тридцать миллионов юаней за квадратный метр поверхности, – пояснил ИИ «Цюйцзиня».

– Дорогая игрушка! Сдадим ее и будем миллионерами,

– раздался в ушах Марины голос Федора, наблюдавшего по видеосвязи из каюты русских космонавтов.

– Команде немедленно собраться на мостике! – зазвучало в динамиках. Исследование пришлось прервать.

Рубка «Цюйцзиня» воплощала философию космического дзена. Плавные дуги сводов между панорамными стеклами веером расходились к внешней поверхности «ската». Внутренняя обшивка светилась мягкой синевой полуденной тропической отмели. В нештатных ситуациях оттенок менялся сообразно серьезности события: от желтых тонов при небольших проблемах до пульсирующего багрового при угрозе гибели корабля. Именно сейчас статус изменился – интерьер стал почти оранжевым, точно перенеся всех в полуденный осенний лес.

Главный экран занимал всю носовую часть ниже «лобовых стекол». На нем появилось лицо руководителя Китайского космического управления.

– Великобритания потребовала немедленно покинуть место катастрофы, объявив его территорией ядерной аварии с повышенным риском для жизни и сославшись на Договор о космосе 1967 года. Несмотря на отсутствие в нем положений о закрытии доступа, правительство Китайской Народной Республики решило пойти навстречу пожеланиям партнеров. «Цюйцзиню» предписывается отдалиться от места катастрофы на десять миллионов километров выше оси эклиптики и ожидать дальнейших указаний.

Китайские тайконавты не смогли скрыть разочарования – непередаваемые возгласы заполнили мостик.

«Чего же они так боятся?» – вертелось в голове Марины, пока она принимала «минималистический душ» влажными салфетками рядом с «гостевой каютой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.